

Эдмунд Гуссерль

Феноменологическая психология. Лекции летнего семестра 1925 года.

Эдмунд Гуссерль

Эдмунд Гуссерль

Феноменологическая психология. Лекции летнего семестра 1925 года.

«Автор»
2026

Гуссерль Э.

Феноменологическая психология. Лекции летнего семестра 1925 года. / Э. Гуссерль — «Автор», 2026 — (Эдмунд Гуссерль)

В лекциях летнего семестра 1925 года Гуссерль прослеживает развитие психологии Нового времени и её стремление уподобиться точному естествознанию. Он показывает, что, несмотря на впечатляющие успехи экспериментальной и физиологической психологии XIX века (Мюллер, Вебер, Гельмгольц, Фехнер, Вундт), её натуралистическая методология, основанная на гипотетических конструкциях и внешнем опыте, принципиально неадекватна сущности душевной жизни. Решающую критику этой «объясняющей» психологии дал Дильтей (1894), противопоставивший ей «описательную и расчленяющую» психологию, исходящую из внутреннего опыта и понимания (Verstehen) как метода наук о духе. Гуссерль высоко оценивает открытие Дильтеем единства душевной жизни как переживания и имманентной телеологии, но отмечает недостаточную проработанность его подхода и ограниченность его влияния на современников.

© Гуссерль Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие: замысел книги и состояние феноменологической психологии. 5
Краткий обзор истории психологии до XX века 7
На пути к феноменологической психологии. 39
<ВВЕДЕНИЕ>. 43
§ 1. Развитие психологии Нового времени; решающая критика Дильтея и его предложения по реформе (объясняющая и описательная психология) 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Феноменологическая психология. Лекции летнего семестра 1925 года.

Предисловие: замысел книги и состояние феноменологической психологии.

Эдмунд Гуссерль впервые публично изложил проект новой феноменологической психологии в лекционном курсе, прочитанном в летнем семестре 1925 года во Фрайбурге. Этот курс, опубликованный Вальтером Бимелем в IX томе Husserliana (*Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1962), вместе с приложениями — фрагментами курсов 1926 и 1928 годов, текстом статьи для «Британники» и амстердамского доклада «Феноменологическая психология» — и составляет предмет настоящей книги. Гуссерль задумывал эту дисциплину как область, которой предстоит сыграть важную роль как в уже сложившейся эмпирической психологии, так и в философии. Влияние его идей породило обширное феноменологическое психологическое движение, распространившееся затем во многих странах. Однако внимательный анализ этого движения показывает, что в нём сосуществуют несколько отчётливо различимых течений, и все они возводят себя к Гуссерлю. При этом лишь немногие психологи пользуются понятиями Гуссерля без существенных видоизменений. Характерно, что многие психологи говорят о феноменологии, не давая сколько-нибудь реального прояснения смысла употребляемого термина, а в феноменологической литературе часто отсутствует ясное различение между мыслью Гуссерля и мыслью других феноменологов — Шелера, Хайдеггера, Сартра, Ясперса, Мерло-Понти и других.

У этой путаницы есть основание: в психологии, как и в социологии и антропологии, разные направления мысли развивались без ясно сформулированных философских предпосылок. Следует учитывать и то, что большинству авторов было практически невозможно увидеть феноменологические проблемы в исторической перспективе, поскольку до самого недавнего времени мысль Гуссерля была открыта лишь привилегированным немногим, имевшим доступ к его рукописям. Знание о его мысли, по необходимости приходившее через вторичные источники, отличалось значительными расхождениями по ряду пунктов. Всё это — важные факторы, затрудняющие ответ на вопрос о том, что следует понимать под феноменологической психологией. Очевидно, что разумное решение не будет найдено путём построения некоего наибольшего общего знаменателя всех существующих феноменологий и использования его в качестве отправной точки для описания феноменологической психологии. Напротив, путь к осмысленной формулировке лежит через тщательное историческое исследование существенных различий, лежащих в основе различных феноменологий, с целью найти твёрдую почву для определения существенных черт феноменологической психологии. К счастью, теперь можно приступить к этой важной историко-критической задаче: благодаря неустанным усилиям учёных Архива Гуссерля сегодня доступен полный текст лекционного курса 1925 года и всех его других важных contributions к феноменологической психологии с 1920 по 1930 год.

В этом предисловии [автор] представляет историко-критическую оценку собственного развития Гуссерля в том, что касается феноменологической психологии. Её направляющие вопросы таковы: как Гуссерль пришёл к своим взглядам на феноменологическую психологию? Какую задачу он ставил перед этой новой дисциплиной? Каковы её существенные аспекты? Как эта психология соотносится, с одной стороны, с эмпирической психологией, а с другой — с философией? Только после ответа на эти вопросы можно будет оценить Гуссерля в свете новейших разработок, увидеть перспективы, которые его мысль открыла для современной психоло-

гии, и понять истинный строй его мышления. Сразу оговаривается, что [работа] не претендует на решение всех вопросов, связанных со взглядом Гуссерля на психологию, но она призвана внести по крайней мере существенный вклад в прояснение некоторых наиболее устойчивых проблем феноменологической психологии.

Однако ответить на эти вопросы невозможно, читая Гуссерля только из нашей собственной временной перспективы. Когда Гуссерль впервые формулировал свои идеи, не существовало ни глубинной психологии, ни бихевиоризма, ни гештальтпсихологии; ещё не возникли структурная и персоналистическая психология. Более того, сам Гуссерль не раз пытался объяснить свою позицию в её отношении к другим психологиям его времени, но в этих объяснениях он быстро терял из виду всё, кроме того, что было важно для трансцендентальной феноменологии и феноменологической психологии. Чтобы объективно оценить его собственные представления о происхождении и развитии психологии, нужна более широкая и более независимая историческая перспектива. Поэтому ниже следует краткий обзор истории психологии до начала XX века. Он не претендует на новый или глубокий вклад в историю дисциплины и нацелен лишь на то, чтобы дать базовые факты, помогающие поместить психологическую работу Гуссерля в надлежащий исторический контекст и прояснить точку зрения, которую он занял в отношении психологии. Психологи среди читателей могут обратиться ко второй главе книги без потери непрерывности.

Краткий обзор истории психологии до XX века

Обратимся к краткому обзору истории психологии вплоть до начала XX века. Это представляется весьма проблематичной задачей, поскольку можно законно спросить, существовала ли научная психология до 1900-х годов. Однако каким бы ни был ответ на этот вопрос, нельзя отрицать, что многие ранние психологи активно пытались создать научную психологию. Цель — кратко упомянуть лишь те течения и линии развития мысли, которые оказали существенное влияние на сегодняшнюю научную психологию; исчерпывающий обзор здесь невозможен. Единственная задача — исторически ввести и прояснить ту позицию, которую Гуссерль занял в отношении психологии.

Само собой разумеется, что мы не можем правильно оценить вклад Гуссерля в психологию, читая и понимая его работу из нашей собственной временной перспективы. Читая гуссерлевскую концепцию феноменологической психологии, мы часто не отдаём себе отчёта в том, что во время первой формулировки его идей не существовало ни глубинной психологии, ни бихевиоризма, ни гештальтпсихологии. Также ещё не возникли структурная и персоналистическая психология. Именно поэтому важно кратко описать историческое развитие психологии в том виде, как оно предстало около 1900 года. Только такое описание даст нам фон, необходимый для справедливой оценки мысли Гуссерля.

Есть и ещё одна причина, по которой мы начинаем с краткого обзора истории психологии. Как станет ясно позже, Гуссерль неоднократно пытался объяснить свою позицию в её отношении к другим психологиям его времени. Однако в этих объяснениях он быстро терял из виду всё, кроме того, что было существенно в отношении трансцендентальной феноменологии и феноменологической психологии. Чтобы иметь возможность объективно оценить собственные идеи Гуссерля о происхождении и развитии психологии, необходима более широкая и более независимая историческая перспектива.

Происхождение психологии из философии: натурализм и психология

XIX век характеризуется триумфом методов естественных наук. Во второй половине этого века многие учёные были убеждены, что эра идеализма и спекулятивной философии подошла к концу. Блестящие открытия в физике, химии и биологии подготовили почву для общего убеждения, что истина может быть открыта только посредством исследования естественных наук. Неудивительно, что «наука о человеческом сознании» переняла методы физики. Психология начала использовать экспериментальные лаборатории; экспериментальные данные подвергались математическому анализу. Открылся целый новый мир возможностей. Работавшие в области психологии на рубеже веков должны были ощущать себя частью новой науки с практически безграничными возможностями. Всё, что думали о человеке за более чем две тысячи лет, было отодвинуто как нерелевантное и в конце концов забыто. Психологи хотели построить свою науку на прочном фундаменте экспериментально проверенных фактов, которые они сами обнаруживали в своих лабораториях. С экспериментальными и математическими методами физики они чувствовали, что владеют ключом ко всем своим проблемам.

Конечно, среди психологов того времени были разногласия, но эти разногласия перекрывались одной главной объединяющей темой: психология должна уйти от прежней связи с философией и перейти к всё более тесным связям с методологией физики. Близость с естественными науками временами становилась настолько тесной, что было невозможно увидеть,

где кончается психология и начинается физиология. Затем около 1900 года единый фронт оказался под угрозой.

Чтобы оценить растущий конфликт внутри психологии, нужно учесть множество факторов. Важнейший из них — полемика вокруг применяемых математико-экспериментальных методов. Многие испытали разочарование, когда стало ясно, что эти методы вскоре достигли пределов своей полезности при применении к психической сфере. Методы были плодотворны в области сенсорной психологии, но вне этой ограниченной области, в сфере высших психических процессов, результаты были разочаровывающими. Резкая критика поднималась со многих сторон и была направлена против тех базовых допущений психологии, которые ранее считались неприкосновенными. В рамках экспериментальной психологии постепенно возникло новое психологическое течение. Если экспериментальная психология была направлена на открытие универсально значимых законов человеческого поведения, то новая дифференциальная психология была прежде всего заинтересована в человеческих различиях.

Кризис, вызванный растущим внутренним разделением психологии, усиливался давлением со стороны смежных дисциплин. Философия снова окрепла после первоначального натиска естественных наук. Ряд философских движений, некоторые вдохновлённые Кантом, другие Гегелем, бомбардировали психологию, ориентированную на естествознание. Однако расстояние между этими философиями и объективирующими психологиями было ещё слишком велико, чтобы какая-либо из сторон могла принимать другую полностью всерьёз. Более глубоко угрожали единству психологии волны, вызванные позже так называемой философией жизни, которая вступила в союз с воскресшей виталистической биологией. Это течение мысли создало разногласия внутри самих научных дисциплин. Многие учёные заявляли, что метод, используемый естественными науками, не обязательно должен быть единственным научным методом. Его успех в проблемах, поставленных неорганической природой, не означает, что этот метод можно перенести на другие проблемы. Вместо того чтобы приписывать превосходство этого метода его врождённой правильности или совершенству, эти учёные поняли, что его успех обусловлен тем, что он был разработан для специфической цели. Урок, который следует извлечь из такого вывода, — не безразборное применение одного успешного метода, а целенаправленная разработка новых методов для конкретных проблем. Вместо заимствования методов физики психолог, социолог и другие учёные, имеющие дело с человеком, должны разрабатывать методы, соответствующие релевантным им проблемам. Гуссерль через свою собственную философию пришёл к подобным выводам. Его обширный, резкий конфликт с господствующей психологией его времени будет подробнее изучен позже. Сначала нужно сосредоточить внимание на главных событиях в происхождении и развитии психологии. Ибо, как было сказано, краткое исследование истории идей, кратко обозначенных выше, окажется полезным для понимания взгляда Гуссерля на психологию вообще и на её историческое развитие в частности.

Философское происхождение психологии

На протяжении веков психология была прежде всего философской психологией. Должно было пройти более двух тысяч лет, прежде чем эмпирическая психология смогла достаточно ослабить свои связи с философией, чтобы стать независимой наукой. Когда Платон (427–347) и Аристотель (384–322) закладывали основы психологии, они мыслили чисто философское изучение человеческой души. Однако особенно у Аристотеля мы находим следы того, что мы теперь называем эмпирическими науками о человеке. Он указывал, например, на опасности сверхстимуляции чувств, на различие между чувствами удовольствия и боли и на ряд других аспектов нашей аффективной жизни. Когда Аристотель говорил о памяти, он основывал своё обсуждение на непосредственном опыте и пришёл к формулировке некоторых законов ассо-

циации. Но он никогда не подозревал возможностей подлинно эмпирической психологии. В этом отношении история психологии идёт параллельно истории физики.

Согласно Аристотелю, психология должна изучать жизненные проявления растений и животных, а также людей. Эти жизненные проявления все исходят из души. Растения и животные имеют душу, как и люди. Первая форма органической жизни обусловлена вегетативной душой. Она образует основание вегетативной жизни и последний принцип, управляющий целесообразными функциями ассимиляции и размножения у человека и животного. Животная, или чувствительная, душа составляет принцип животного существования. Она управляет и делает возможным для животного и человека воспринимать, желать и двигаться. Мыслящая разумная душа образует бессмертный принцип мышления и стремления в человеке. Человек обладает только одним жизненным принципом — разумной душой, которая есть принцип мышления и стремления, а также конечный источник других функций человека. Можно сказать, что в человеке питательный и чувствительный принципы **включены** (лат. *incorporata* — «включённые, воплощённые») в разумную душу. Если рассматривать эту мыслящую душу как принцип одной определённой функции, то она называется (именно взятая как основание этой **конкретной** (лат. *particularis* — «частной, отдельной») функции) способностью в отношении этой функции. Поэтому, поскольку одна единственная мыслящая душа есть источник и корень многих возможностей функционирования, можно приписать душе многие способности, то есть многие возможности, которые становятся фактически функционирующими только через влияние того, что внешне по отношению к ней. Наконец, душа образует субстанциальное единство с телом, так что ни одна человеческая возможность не может стать действительной без сотрудничества тела. Иными словами, душа есть одушевляющая энтелехия тела.

Гуссерль редко ссылался на психологию Аристотеля. Можно отметить, что в одном из таких случаев он, кажется, поступает несправедливо по отношению к этой психологии, когда описывает её как одну из объективных дисциплин среди наук об опыте, пытающуюся стать соперницей математических наук о природе. В остальном, однако, критика Гуссерлем позиции Аристотеля в отношении психологии в значительной степени оправдана. Но можно спросить себя, имеет ли какой-либо смысл находить недостатки у Платона и Аристотеля за то, что они не знали всего о вопросах, прояснённых Декартом, Кантом и Гегелем лишь недавно. С другой стороны, ясно, что в «Первой философии», откуда заимствованы эти замечания, Гуссерль не намеревается давать объективное описание истории философии и психологии.

Как бы то ни было, продолжая исторический очерк в этом предисловии, следует отметить, что психология оставалась философской дисциплиной на протяжении всего Средневековья. Основные идеи по-прежнему заимствовались у Платона и Аристотеля, но интерпретировались исходя из совершенно нового взгляда на мир, который в значительной степени определялся христианской верой и христианской теологией. Фома Аквинский (1224–1272) был одним из первых, кто увидел философию такой, какой её видели в античности, а именно как полностью автономную науку. Как и Аристотель, он рассматривал психологию как чисто философскую дисциплину, изучающую все проявления жизни. Этот взгляд привёл его к пониманию психологии как самостоятельной дисциплины, отдельной и отличной от веры и теологии. Мысли Фомы Аквинского, по существу остававшиеся в согласии со взглядом Аристотеля, определяли психологическое мышление вплоть до XVI века. В то время прорвалось новое течение мысли.

Новая психология.

Согласно Гуссерлю, именно Джон Локк стал отцом новых **направлений развития** в психологии. Гуссерль видел Локка **строящим свою мысль** на Декарте, с одной стороны, и на Томасе Гоббсе — с другой. Гоббс в свою очередь избрал отправной точкой Бэкона. Можно

сказать, в взгляде Гуссерля, что Бэкон создал методологию новой психологии, а Декарт обеспечил научный, теоретический хребет. Гуссерль лишь бегло упоминал Бэкона и Гоббса; большую часть времени он ограничивался упоминанием их имён. Однако для прояснения позиции Локка представляется целесообразным рассмотреть Бэкона несколько подробнее, чем это делал Гуссерль. Хотя ни Бэкон, ни Декарт специально не разрабатывали эмпирическую психологию, нельзя не заметить огромное влияние, которое их теории оказали позже на первые усилия в области эмпирической психологии. То, что это влияние было очень неудачным в других отношениях, не может умалить конечную важность вклада этих мыслителей в развитие эмпирической психологии в XIX веке.

Вклад Бэкона.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — без сомнения, самый важный представитель Ренессанса в Англии. Одним из его многих проектов было осуществить совершенно новую организацию наук. От науки Бэкон ожидал, среди прочего, революционизирования человеческих способов обращения друг с другом и с природой. Он ожидал, что человек сможет приобрести неограниченную власть над своим окружением. Бэкон был полностью одержим мыслью, что только наука может достичь величия для человека и что покорение мира может быть достигнуто только средствами науки. Всё, что более ранняя ренессансная мысль предчувствовала о чудесном и несколько фантастическом будущем, Бэкон стремился реализовать посредством систематического, методически направленного научного усилия.

Истинная наука, согласно Бэкону, начинается с опыта, то есть с тщательного наблюдения и экспериментирования. Начиная с гипотез ограниченной общности, мы движемся к более общим гипотезам посредством индуктивного метода. Достигнув этих общих гипотез, мы возвращаемся к конкретным фактам и событиям и пытаемся интерпретировать и понять их. В основе этого плана действия лежит твёрдая вера в то, что ясная концептуализация фактических событий принесёт человеку окончательное покорение природы.

Чтобы достичь этой идеи, Бэкон разработал грандиозный план в своём «Instauratio Magna» («Великом восстановлении наук»). Лишь малая часть этого плана была когда-либо реализована, и Бэкон никогда не мог достичь очень высокого уровня в его конкретной реализации, потому что, несмотря на свои героические усилия в противоположном направлении, он оставался несколько жертвой поздней схоластики. Ему никогда вполне не удалось объяснить свою «inductio» («наведение», индукцию), а его отношение к дедуктивным методам оставалось слишком негативным.

В первой части своего «Instauratio Magna», озаглавленной «De Dignitate et Augmentis Scientiarum» («О достоинстве и приумножении наук»), Бэкон попытался дать и обосновать разделение, классификацию и описание различных наук. В дальнейшем определении «интеллектуального глобуса» он также планировал указать, что уже достигнуто в каждой науке и что ещё предстоит сделать. Он разделил науки согласно тому, что он воспринимал как фундаментальные характеристики человеческой души, а именно память, фантазию и интеллект. Так он пришёл к разделению наук на историю, искусства и философию. По предмету обсуждения философия делится на естественную теологию, философию природы и антропологию. Становится совершенно ясно, что эта схема ещё не допускает эмпирической психологии.

Вторая часть «Instauratio Magna», озаглавленная «Novum Organum» («Новый органон»), содержала резкую атаку Бэкона на аристотелевскую логику. Он критиковал особенно её односторонний интерес к дедуктивному рассуждению вообще и к силлогизму в частности. Согласно Бэкону, человек может приближаться к истине с двух принципиально разных направлений. С данными, предоставленными сенсорным аппаратом, он может прыгнуть к самым общим принципам (axiomata — «аксиомы») и затем заполнить разрыв между ними посредством дедуктив-

ного рассуждения. Другая возможность — идти от данных чувств к аксиомам посредством непрерывного и постепенного восхождения, так что самые общие аксиомы будут достигнуты только в финальной фазе процесса рассуждения. Первый метод ведёт лишь к непродуктивным «умственным предвосхищениям», тогда как другой метод ведёт к «истинной интерпретации природы». Большая часть «Novum Organum» занята очень тщательным описанием основных правил индуктивного метода. Несмотря на открытие ряда важных методологических принципов, Бэкон не сумел построить полную и радикально обоснованную теорию индукции.

Можно отметить здесь, что Бэкон не хотел ограничивать индуктивный метод областью истории или искусств. Он считал индуктивный метод подходящим и для различных философских дисциплин. Однако ему никогда не удалось осуществить своё честолюбивое намерение — реконструировать всю философию и устранить из неё все методы, кроме индуктивного. Гоббс, а позже Локк, Беркли и Юм пытались реализовать идеал Бэкона. Тем самым они стали основателями эмпирицистской философии. Идеал Бэкона также принял конкретную форму в естественных науках, которые начали развиваться в то время. Намерение Бэкона, сознательно или бессознательно преследуемое, состояло в том, чтобы обновить стерильную философию позднего схоластического периода с помощью естественных наук.

Неудивительно, что господствующие течения философской мысли были неспособны оценить истинную ценность позитивных естественных наук. Так вскоре создалась напряжённая ситуация между философией и естественными науками. Вот почему естественные науки вступили в союз с эмпиризмом, который в свою очередь сам был плодом позитивно-научного намерения. Более того, нельзя пренебрегать в этом контексте очень поразительно успешными результатами новых естественных наук; этот успех объясняет, по крайней мере отчасти, тот факт, что многие философы отвернулись от классической философии и искали союза с эмпиризмом. Наконец, понятно, что позже другие позитивные науки, начавшие развиваться в XVIII и XIX веках, обратились к успешным естественным наукам, чтобы узнать о методологии. В конечном счёте эта полная концентрация на позитивных и естественных науках привела к философским позициям, называемым «позитивизм» и «сциентизм».

Декарт.

С почти тем же намерением, что и Бэкон, хотя и совершенно иным образом, Рене Декарт (1596–1650) пытался решить философские проблемы, созданные естественными науками XVII века. Философская подготовка Декарта, по-видимому, ограничивалась посредственным эклектическим томизмом, обычно преподававшимся в его время. В этой философии его больше всего возмущало то, что она не могла продвинуться дальше пересказа авторов с их противоречивыми мнениями, делая посмешищем человеческий поиск достоверности. Часто мнения различных авторов были прямо противоположны. Их непримиримые разногласия вели к тупикам, порождавшим мысль, что человеческий ум неспособен к реальному прогрессу. Декарт никогда не делал такого вывода. Напротив, он был глубоко убеждён в великих возможностях человеческого мышления, поскольку, по его мнению, мы можем учиться у ясности и изысканной достоверности математических принципов. Тот факт, что человеческий ум не имел никакого успеха в философии, нельзя винить в человеческом уме как таковом. Скорее, именно метод философствования мешал человеку делать прогресс в этой области мысли. Поиск Декарта шёл в направлении нового метода философствования, основанного на методах математики. С помощью этого метода он хотел реконструировать всю философию снизу-вверх. Более того, он считал, что эта философская цель подразумевает радикальный разрыв с тысячелетиями философствования, предшествовавшими ему.

Декарт был глубоко убеждён, что наука должна быть единственной и единой. Она должна быть построена от самых оснований до окончательного завершения одним единственным чело-

веком, **без предварительного допущения** («предполагания, допущения в качестве предпосылки») каких-либо результатов, достигнутых в прошлом, путём выведения всех истин из нескольких фундаментальных принципов и **без предварительного допущения** ничего, кроме того, что ясно и отчётливо само по себе и как таковое может быть признано каждым. Подобно тому как математика начинает с очень немногих ясных аксиом и продвигается оттуда к доказательству всех своих дальнейших утверждений, так и философия должна начинать с нескольких очевидных и абсолютно достоверных истин; все другие истины должны выводиться из этих базовых посредством строго логических правил силлогизма.

Конечно, главный вопрос — как вывести на свет ἀξιώματα ἀντων в философской сфере. Декарт заявляет, что это можно найти посредством спекулятивного, методического и универсального сомнения. Хорошо известно, как он пришёл через это методическое сомнение к своему cogito и как из cogito он думал вывести критерий всех фундаментальных истин, который послужит ему основанием для его строго научной философии. Так он писал в «Рассуждении о методе»: «и заметив, что в утверждении Я мыслю, следовательно, я существую нет ничего, что убеждало бы меня в том, что я тем самым сделал истинное утверждение, кроме того, что я вижу очень ясно, что для того, чтобы мыслить, необходимо быть, я пришёл к выводу, что могу принять как общее правило, что вещи, которые мы постигаем очень ясно и отчётливо, все истинны…»

Известен также факт, что из своего cogito Декарт сделал некоторые очень важные выводы о природе мыслящего субъекта. В «Рассуждении о методе» он писал, как после тщательного размышления о cogito пришёл к выводу, что на основании cogito должен понимать себя как «субстанцию, вся сущность или природа которой состоит в мышлении и которая для своего существования не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи; так что это я, то есть душа, благодаря которой я есть то, что я есть, совершенно отлична от тела и даже более легко познаваема, чем последнее…» Таким образом, существенный атрибут или сущность души состоит в том, что она способна мыслить.

В своей философской физике он пришёл к выводу, что протяжение составляет существенный атрибут материального мира. Материальные субстанции суть лишь пространственные количества, лишённые каких-либо активных атрибутов. Все изменения в материальном мире суть лишь изменения в пространстве посредством локальных движений, которые следуют фиксированным механическим законам. Весь материальный мир можно, таким образом, рассматривать как один гигантский механизм, который можно сделать полностью понятным, как только мы узнаем законы, управляющие его движениями.

Декарт подходил к живым телам примерно так же, как ко всему материальному миру. Растения и животные, даже тело человека, рассматриваются как механизмы, отличные от неодушевлённых тел только по сложности. Все жизненные функции организмов могут быть полностью поняты, как только тщательно рассмотрены все аспекты движения их частиц.

Это видение явно ведёт к пагубным результатам для антропологии. Дуалистическая концепция человека теперь неизбежна. Без колебаний Декарт продолжил свой путь и предложил, что душа есть простая, нематериальная, бессмертная субстанция, существенным атрибутом которой является мышление. Тело обладает протяжением как своим существенным атрибутом и как таковое существенно не отличается от других материальных субстанций. Все жизненные функции живого человеческого тела могут быть объяснены посредством механических причин. Тогда возникает непреодолимая пропасть между телом и душой. Целый ряд позднейших философских добавлений и расширений этих базовых понятий не смог восстановить единство человека для Декарта. То, что он рассек надвое, он больше не мог соединить вместе.

Взгляды Декарта на человеческое тело по большей части содержатся в его «Traité de l'homme» и «Les Passions de l'âme». Современные исследования показали, что концепция человеческого тела у Декарта не так оригинальна, как когда-то думали. Подобные его взглядам идеи

были распространены задолго до него в арабском мире и встречаются у таких авторов, как Ибн ан-Нафис. Они были переняты в изменённой форме и распространены в западном мире Мигелем Серветом и Уильямом Гарвеем. Декарт также не единственный в первой половине XVII века, кто предложил и разработал идею «человека-машины» и «человека-автомата». Имена Гоббса и Мерсенна должны, без сомнения, быть упомянуты в этой связи также.

Можно, однако, сказать, что у Декарта миф о человеке как машине достигает своего наиболее полного выражения. Различные автоматы, часы, инструменты и механизмы, столь обильно производившиеся со времён Ренессанса, функционировали как исходные модели для понимания человеческого организма. Живое тело мыслилось как чудесный механизм, созданный божественным художником. «Бог создал наше тело как машину и пожелал, чтобы оно функционировало как универсальный инструмент, всегда действующий одинаково согласно своим собственным законам». Этот человеческий механизм может быть подвергнут научным исследованиям и показано, что он подчиняется механическим законам во всех своих жизненных функциях. Человеческое тело функционирует «на манер часов, искусственных фонтанов, ветряных мельниц и других подобных машин».

Декарт утверждал, что человеческий организм функционирует совершенно автономно без помощи нашего мышления и воления. Всякая мысль о душе как энтелехии тела становится таким образом излишней. Чтобы избежать какой-либо двусмысленности, Декарт говорит уже не о душе человека, а о его духе; «и я рассматриваю дух не как часть души, а как ту душу, которая мыслит, взятую в целом». Вот почему «Traité de l'homme» пытался дать отчёт о таких человеческих функциях, как пищеварение, дыхание, кровообращение, движение, сон, восприятие, память и желание, в терминах механистической физики. «Я хочу, чтобы вы в этой машине рассматривали эти функции как исключительно проистекающие из расположения её органов, не более и не менее чем это имеет место с движениями часов или другого автомата…; таким образом, что в отношении них не нужно мыслить в ней никакой другой вегетативной или чувствительной души, никакого другого принципа движения или жизни, кроме её крови, возбуждённой теплом огня, который… той же природы, что и все другие огни, находящиеся в неорганических телах».

Эта концепция показывала человека как состоящего из двух отдельных и различных субстанций, каждая из которых должна изучаться разной дисциплиной. Духовная субстанция человека образует собственный предмет философии, а тело человека должно изучаться механистической физикой. Становится совершенно ясно, что это видение уводит от философской антропологии. Декарт не сумел даже адекватно поставить основную проблему антропологии. Ибо наука о человеческом теле не есть наука о человеке, поскольку, по Декарту, тело не является существенной частью человека.

Декарт достиг основания позитивной науки о теле, но только ценой экзистенциального разделения между человеком и его телом. Философия оставляет изучение человеческого тела позитивной науке, но должна при этом заплатить цену исключения тела из человеческой реальности. Чтобы сделать его подходящим предметом научного исследования, тело должно быть отчуждено от самого человека. Разделив человеческий мир на эти две независимые части, Декарт оказался не в состоянии восстановить единство, которое все мы переживаем в повседневной жизни. Попытки в этом направлении в «Les Passions de l'âme», например, терпят жалкую неудачу.

Более близкий анализ показывает, таким образом, что видение человека у Декарта становится понятным только в свете имплицитно принятого неоплатонизма. Оставаясь в этой перспективе, Декарт, с одной стороны, пытался объяснить человека как дух, человека как личность, в терминах спиритуалистической метафизики. С другой стороны, он также хотел объяснить тот факт, что человек в том, что касается его тела, может быть введён в сферу позитивных наук. Так он действительно достиг строгой науки о теле, но эта наука уже не была

наукой о человеке. «Механистическая антропология, возможно, есть подлинная механика, но она, несомненно, не есть подлинная антропология».

Значение Декарта для психологии состоит особенно в том, что его исследование человеческого тела заложило основание для позднейшей физиологической психологии и рефлексологии. Его исследования сознания, с другой стороны, образовали основу для будущей психологии сознания. Боринг заслуженно упоминает как конкретные пункты, в которых Декарт способствовал генезису и развитию эмпирической психологии, следующие темы: «механистический подход, дуализм ума и тела, их взаимодействие, мозг как важное место для ума, локализация ума тем не менее во всём теле, и всё же специфические локализации внутри мозга, врождённые идеи, которые вели к доктрине нативизма».

В этом месте полезно вернуться к мысли, которую мы преследовали ранее. Следуя Аристотелю, философская психология направляла своё изучение на жизнь во всех формах. Изучение растений, животных и человеческих существ составляло часть этого подхода. Здесь можно было бы говорить о психологии как философском изучении жизненных функций и их проявлений. Декарт ограничил свою философскую психологию областью явлений сознания из-за своего дуализма. Посткартезианское рационалистическое движение, представленное такими мыслителями, как Лейбниц, Спиноза и Вольф, продолжало рассматривать тело и сознание как полностью раздельные. Отдельная философия явлений сознания логически следовала из этой предпосылки. Позже, под влиянием эмпиризма Локка, Беркли и Юма, из этого движения выросла позитивная научная психология сознания. Мы упоминали, как Декарт признавал позитивное научное изучение человеческого тела, существующее бок о бок с философской психологией явлений сознания. Эта позитивная наука о теле расцвела в XVII и XVIII веках, в конечном счёте образовав основание для нашей сегодняшней биологии и физиологии. Эти две науки породили в XIX веке физиологическую психологию, которая стала существовать бок о бок с психологией сознания. К концу XIX века мы видим слияние этих дисциплин в новую эмпирическую психологию.

Помимо двух концепций психологии, о которых шла речь, в XVIII веке развилась третья, а именно психология способностей. Ибо вскоре многим мыслителям стало ясно, что явления сознания можно классифицировать по ряду базовых категорий. Сначала были сторонники дихотомии, делившей все явления сознания по двум базовым категориям, а именно мышление и стремление. Позже другие, под влиянием Канта, предложили трихотомию, включавшую также эмоции, или область аффектов. Все эти авторы чувствовали, что явления чувства, познания и стремления возможны только на основе определённого числа способностей или функций, присущих человеческой душе. Смысл таких выражений, как «способность» и «функция», подвергался значительному интеллектуальному scrutiny. Некоторые думали, что способность в конечном счёте относится к некой реальности в человеческой душе, которую следует понимать, как причину, непосредственный лежащий в основе принцип, порождающий соответствующие явления сознания. Другие понимали функцию как склонность к действию, которую реально невозможно отличить от души. Практически философские следствия обеих позиций сходны. Обе стремятся анализировать нашу сознательную жизнь на ряд функций, каждая из которых должна иметь определённую способность как свою «причину». Эти точки зрения, однако, сводили психологию к классификации психических явлений, конечное объяснение которых состоит в том, что они суть проявления операций точно определённых способностей души, которые как маленькие «гомункулы» в большом «человеке» иногда сотрудничают, а иногда борются друг с другом.

Вскоре последовала резкая реакция, и психология способностей была горько атакована. Многие психологи чувствовали, что их любопытство не может быть исчерпано схемой классификации. Они хотели знать, что действительно означает явление сознания, какую роль оно играет в психологической жизни человека и какие законы могут объяснить психические явле-

ния. Эти вопросы заставили многих мыслителей искать более тесных связей с естественными науками.

Эмпиризм Локка и Юма. Психология Милля и Спенсера.

В XVII и XVIII веках естественные науки постепенно набирали обороты под воздействием Галилея, Ньютона и других. Великий успех наук обычно приписывался тому, что эти мыслители смело отвернулись от философии природы Аристотеля и её дедуктивных методов и переключили внимание на индуктивные и эмпирические методы.

Психологические мыслители думали, вполне естественно, что они также вступят в золотой век открытий, как только смогут последовать примеру естественных наук. Как отмечалось выше, Декарт уже создал общий эпистемологический климат, в котором этот ход событий мог произойти. Более того, Бэкон показал, как наука может стать эмпирической и использовать индукцию. Локк и Юм были первыми, кто построил психологию на этих новых основаниях. Однако мы не можем назвать их психологию подлинно эмпирической наукой, хотя бы потому, что они всё ещё рассматривали свою психологическую работу как собственно философскую.

Локк (1632–1704) в целом соглашался с важнейшими прозрениями Бэкона: истинное знание приобретается через восприятие и опыт. Он также соглашался, что знание становится тем чище, чем дальше оно держится от абстрактной и дедуктивной мысли; что истинное знание никогда не есть больше, чем полное отражение реальности, и что это отражение может быть приобретено через непосредственный опыт или посредством соответствующим образом применённой индукции.

В своём «Опыте о человеческом разумении» Локк изложил свой взгляд более полно. В этой работе он проводит явное различие между двумя формами знания: частным знанием, которое приобретается на основе ощущения и рефлексии, и универсальным знанием, которое проистекает из наших идей и их отношений. Частное знание даёт нам ограниченное количество фактического знания; общее знание образует основу для наук. Однако всё истинное знание реальности возникает из опыта и остаётся ограниченным им.

Самая сущность и субстанция вещей отнюдь не непосредственно доступны нашему опыту; вот почему мы в принципе неспособны их познать. Взаимоотношения между различными реальными аспектами и реальными свойствами вещей также ускользают от нас. Они также остаются в принципе недоступными для нас. Истинная метафизика, подлинная философия природы и реальная антропология, таким образом, остаются невозможными. Однако реальность вещей, которые открываются нам через чувства, нельзя отрицать. Элементарные представления, или простые идеи, не являются просто продуктами ума и не являются врождёнными. Вот почему они необходимо дают нам подлинное знание вещей, которые естественным образом оказывают определённое влияние на наш ум посредством чувств.

Более близкий взгляд на простые идеи обнаруживает необходимость различать субъективные вторичные качества, которые существуют наряду с объективными первичными качествами. Первичные качества — реальные свойства реальных вещей; вторичные качества, с другой стороны, зависят от нашей сенсорной организации.

Следуя аристотелевской традиции, Локк принимал как истинную мысль, что душа не обладает врождёнными идеями. Все представления и понятия необходимо возникают из нашего опыта. При рождении человеческая душа подобна чистой доске, на которой ещё ничего не написано. Душа рождается, однако, с врождённой способностью мыслить. Всё, что накапливается в понятиях и идеях за жизнь человека, возникает из опыта.

Как было сказано, этот опыт состоит из ощущений, или впечатлений, которые достигают нас извне через чувства, и рефлексий, или впечатлений, которые душа получает относительно своего собственного состояния бытия посредством внутреннего опыта. Опыт, как внешний,

так и внутренний, даёт человеку его простые идеи, которые затем в свою очередь становятся частью его высших умственных построений. Специальная операция ума, которая мыслится частично пассивной и частично активной, должна осуществить преобразование простых идей в сложные идеи. В построении сложных идей из простых идей сотрудничают разные функции. Особенно важную роль в этом преобразовании играет ассоциация.

Психология должна брать отправной точкой рефлексию; её задача — исследовать, как простые рефлексии порождают высшие умственные построения. Её цель — сформулировать законы, управляющие этими преобразованиями. Локк стремится здесь к эмпирической ассоциационистской психологии, которая в том, что касается её методов, должна ориентироваться на физику и химию. Однако эта психология остаётся по существу философской психологией, поскольку её главная функция — очертить и обосновать значимость человеческого знания. «Опыт о человеческом разумении» можно поэтому считать первой хорошо округлённой, систематической эпистемологией. Проблемы, к которым обращается Локк, были не originally задуманы им; они занимали внимание Декарта и других. Новый аспект, введённый Локком, — его настойчивость на решении проблемы знания без помощи метафизического априори. Вот почему психология, которую мы находим у Локка, с самого начала стоит в эпистемологической перспективе. Будет очевидно, что здесь эпистемологические проблемы могут быть сформулированы и решены только в эмпирицистском смысле.

Юм.

Гуссерль почти всегда упоминает Беркли и Юма одним дыханием. Он считал обоих этих мыслителей первостепенно важными в раннем развитии психологии. В действительности он подробно занимался только Юмом, а рассмотрения Беркли почти ограничивал упоминанием его имени время от времени. Без сомнения, Юма следует считать более важным для психологии, хотя не отрицается, что эпистемология Беркли, его подход к восприятию вообще и к восприятию пространства в частности, являются неоспоримо существенным вкладом в новую психологию. Однако здесь мы ограничимся философией Юма.

Феноменализм Юма (1711–1776) исторически очень важен, потому что представляет логическое завершение английского эмпиризма Бэкона, Гоббса, Локка и Беркли. В «Трактате о человеческой природе» и особенно в «Исследовании о человеческом познании» Юм защищал крайний эмпиризм, который постепенно завершился феноменализмом. Юм берёт отправной точкой некоторые базовые концепции философии Локка, и в некотором смысле его работа есть попытка реализовать взгляд Локка более последовательным образом. Юм был особенно очарован успехом физики со времён Галилея и Ньютона. Он чувствовал, что физика и химия наконец нащупали правильную методологию и что их успех обусловлен использованием экспериментирования, индукции и математики. Он мечтал о себе как об основателе совершенно новой науки, которая будет использовать по существу ту же методологию. Полное название его ранней работы проливает свет на это честолюбие: «Трактат о человеческой природе, являющийся попыткой ввести экспериментальный метод рассуждения в моральные предметы».

Первая часть этой работы обнаруживала близкое родство с идеями Локка. Юм начинает с изложения происхождения, состава и ассоциативных связей идей. Эта отправная точка согласовывалась с Локком, как мы видим, когда он писал: «Все восприятия человеческого ума сводятся к двум различным видам, которые я назову впечатлениями и идеями. Различие между ними состоит в степени силы и живости, с которой они воздействуют на ум и прокладывают себе путь в нашу мысль или сознание». Таким образом, Юм различал два вида базовых психологических элементов: первый тип охватывает всё, что даёт о себе знать через внешние чувства; второй тип включает всё, что каким-то образом достигает нашего осознания посредством внутренних чувств. Более близкое рассмотрение показывает, что нужно различать два разных

вида впечатлений; Юм называет их простыми и сложными впечатлениями. Тщательный анализ сложных впечатлений выявляет лежащие в основе неделимые простые. То же можно сказать об идеях. Сложные идеи строятся из простых единичных. Далее предполагается, что простые идеи всегда соответствуют простым впечатлениям. «После самого точного исследования… я осмеливаюсь утверждать, что правило здесь выполняется без всякого исключения и что каждая простая идея имеет простое впечатление, которое её напоминает; и каждое простое впечатление — соответствующую идею». Теперь можно пойти ещё дальше и предположить, что все наши простые идеи находят своё происхождение в простых впечатлениях. «Все наши простые идеи происходят, либо опосредованно, либо непосредственно, от своих соответствующих впечатлений». Сложные идеи могут развиваться из сложных впечатлений, хотя это не всегда так; они также могут быть образованы из простых идей.

Сенсорные впечатления, таким образом, считаются наиболее фундаментальными данными сознания. Согласно Юму, причина происхождения наших впечатлений в принципе вне сферы возможного человеческого знания. Всякий поиск их способа происхождения бессмыслен в двойном значении слова. «Что касается тех впечатлений, которые возникают от чувств, их конечная причина, по моему мнению, совершенно необъяснима человеческим разумом, и всегда будет невозможно решить с уверенностью, возникают ли они непосредственно от объектов, или производятся творческими силами ума, или происходят от Автора бытия». Сенсорные впечатления создают в нас два типа идей: идеи памяти и идеи воображения. Идеи памяти более ясны и отчётливы, и тесно связаны с впечатлениями. Идеи воображения кажутся нам менее ясными и формируются более или менее произвольным образом. Возможно даже, что сложные идеи формируются совершенно свободно и произвольно; воображение, однако, всё же соблюдает закон, что должно существовать совершенное согласие между простыми впечатлениями и простыми идеями. Вот почему воображение чрезвычайно полезно человеку при анализе сложных идей, ибо в нём мы имеем инструмент, позволяющий нам устранять одну за другой простые идеи из сложных идей.

Как мы видели, сложные идеи могут строиться из простых. Может ли ум создавать сложные идеи совершенно произвольным образом? Без сомнения, в способе образования идей наблюдается определённая регулярность. Считается, что эта регулярность возникает в результате «нежной силы». Эта сила обычно достигает своей цели, но тем не менее не абсолютна в своей эффективности. Силу не следует рассматривать как своего рода оккультное явление; что имеется в виду под этой «нежной силой», становится ясным при рассмотрении законов ассоциации. Эти законы ассоциации покоятся на допущениях, что-либо между двумя или более простыми идеями существует определённое сходство, либо существуют определённые пространственно-временные отношения, либо они связаны отношением причины и следствия. Между простыми идеями постепенно образуется взаимное «притяжение» на основе этой силы, и это притяжение проявляется во множестве различных форм и модальностей. Нет необходимости в этом месте подробнее прослеживать сильно номиналистическую и эмпирицистскую мысль Юма.

Из сказанного до сих пор совершенно ясно, что Юм также разрабатывал свой ассоцианизм с намерением решить эпистемологические проблемы, которые были ясно сформулированы впервые Декартом и которые Юм хотел атаковать без обращения к каким-либо априорным метафизическим допущениям. Может быть интересно кратко отметить выводы, к которым в конечном счёте пришёл Юм. Продемонстрировав, как научные суждения о вопросах факта всегда подразумевают причинный принцип, Юм подверг этот причинный принцип строго критической оценке. Он закончил отвержением всей трансэмпирической реальности. «Единственные существования, в которых мы уверены, — это восприятия, которые, будучи непосредственно присутствующими нам через сознание, требуют нашего сильнейшего согласия и являются первым основанием всех наших заключений. Единственное заключение,

которое мы можем вывести из существования одной вещи к существованию другой, — это посредством отношения причины и следствия… Идея этого отношения выводится из прошлого опыта, благодаря которому мы находим, что два существа постоянно соединены вместе и всегда одновременно присутствуют в уме. Но поскольку никакие существа никогда не присутствуют уму, кроме восприятий, отсюда следует, что мы можем наблюдать соединение или отношение причины и следствия между различными восприятиями, но никогда не можем наблюдать его между восприятиями и объектами». Таким образом, эмпиризм Юма закончился чисто феноменалистической позицией, скептической ко всем формам метафизики.

В течение XIX века философские идеи Локка и Юма принесли плоды и образовали основу первой формы эмпирической психологии. Однако даже здесь новая наука поначалу пользовалась малой независимостью; её методы и терминология были целиком взяты из физических наук и заставляли психологию саму становиться естественной наукой, полностью заключённой в проблематику, характерную для физиологии. Первая форма ассоциационизма пыталась имитировать ньютоновскую физику и дальтоновскую химию в применении аналитико-синтетических методов. Вскоре были предприняты попытки анализировать все психологические явления и сводить их к базовым элементам, которые называются элементарными ощущениями. Всё, что происходит в нашем сознании, может в конечном счёте быть сведено к этим ощущениям; мышление, чувство, стремление — все конструируются из этих элементарных ощущений. Как только сложные психологические единицы сведены к их элементам, следующий шаг — восстановить эти элементы на их место в сложных структурах, частью которых они естественно составляли. Законы ассоциации должны были направлять этот процесс: когда осознание ощущений происходило в тесной временной последовательности друг за другом, между ними автоматически устанавливались ассоциации, как предполагалось. Сила ассоциации определялась бы числом раз, когда элементы появлялись вместе в сознании. Все сознательные явления, таким образом, объяснялись на основе временной близости соответствующих ощущений: каждое составное психологическое событие есть не более чем сумма составляющих независимых элементов. Ассоциационизм стал подлинно натуралистической и атомистической психологией.

Эти и подобные мысли можно найти у Томаса Брауна (1778–1820), Джеймса Милля (1773–1836) и Фридриха Бенеке (1798–1854). В отличие от других, Бенеке сильно подчёркивал активную роль сознания в формировании высших психических явлений.

Джон Стюарт Милль и Генри Спенсер привнесли больше утончённости в ассоциационизм. Но оба этих мыслителя снова чувствовали себя привлечёнными к психологии из-за её эпистемологической значимости. В этом отношении они напоминали Юма, чья психологическая работа, как мы видели, была проникнута глубоким философским намерением. Мюнстерберг, Эббингауз и Циен принадлежат к этой же категории мыслителей. Мы вернёмся к ним, когда позже будем обсуждать психологию XIX века более конкретно. Гербарт и Вундт были, вероятно, первыми мыслителями, которым удалось оторваться от этого «психологизма». До известной степени их можно считать основателями полностью независимой эмпирической психологии. Однако их психология всё ещё оставалась формой ассоциационизма, задача которой — прояснять явления сознания причинным образом, используя методологию физики и химии.

Джон Стюарт Милль.

Чтобы проследить дальнейшее развитие психологии, нужно обратиться здесь к рассмотрению нескольких идей Джона Стюарта Милля и Генри Спенсера. Основные идеи Милля (1806–1873) можно найти в его «Логике» и особенно в «Исследовании философии сэра Уильяма Гамильтона». Как и его отец до него, Джон Стюарт Милль поддерживал впечатления и идеи как базовые элементы, из которых возникают все высшие психические явления.

Его интерпретация этих базовых элементов, однако, восходит к первоначальному объяснению Юма, от которого отец Милля отклонился. Помимо закона смежности, он снова принял сходство как принцип ассоциации; позже он также добавил принцип частоты к принципу смежности. В 1843 году Милль сформулировал принцип интенсивности, который в 1865 году заменил принципом нераздельности.

Джон Стюарт Милль отличался от отца не только числом придерживаемых законов ассоциации; его интерпретация их значения также заметно различалась. Джеймс Милль полагал, что элементарные единицы нашей психической жизни растворяются и смешиваются в высших, более сложных явлениях. Джон Стюарт Милль пришёл к убеждению, что это не может быть так; отправляясь от взгляда отца, что идеи иногда срастаются посредством ассоциации так быстро, что их даже невозможно заметить отдельно, Джон Стюарт Милль пришёл к выводу, что элементарные единицы не смешиваются, а время от времени образуют новые комбинации и соединения. Здесь, таким образом, мы находим психологию, поистине достойную названия «психической химии». Поскольку идея может исчезнуть в большем целом, это большее целое должно быть больше суммы своих элементов. Когда мы соединяем натрий и хлор, полученная соль больше суммы этих двух элементов; появилось нечто новое. Отсюда следует, что законы, верные для целых, не могут быть выведены из законов, управляющих частицами. «Когда многие впечатления или идеи действуют в уме вместе, иногда имеет место процесс, подобный химическому соединению… Это случаи психической химии, в которых можно сказать, что простые идеи порождают, а не слагают сложные».

В своём «Исследовании философии сэра Уильяма Гамильтона» Милль открыл другую важную проблемную область. В этой книге он, среди прочего, занимался реальностью материальных объектов, которые мы воспринимаем. Его решение проблемы начиналось с допущения, что человеческий ум обладает способностью предвосхищать. Таким образом, возможно, что «после того как у нас были действительные ощущения, мы способны формировать понятие возможных ощущений»; мы не переживаем эти ощущения действительно, но по крайней мере могли бы их пережить. Одно из самых характерных различий между восприятием и тем, что доставляет для него материальную основу, состоит в том, что восприятие кажется эфемерным, преходящим и изменчивым, тогда как материя проявляет себя как устойчивая и пребывающая. Эта противоположность ведёт к большим трудностям для мыслителей локковской традиции. Милль попытался решить эти трудности, оставаясь в эмпирицистской перспективе, отметив, что само восприятие действительно имеет преходящую, эфемерную природу, но возможности ощущения могут быть постоянными. Убеждение, которое мы разделяем, что существует твёрдая, неизменная материя, к которой направляется наше ощущение, основано на нашем восприятии постоянных возможностей ощущения. Материя в этом свете предстаёт как постоянная возможность ощущения; само ощущение в свою очередь есть не что иное, как «вера» в эти возможности. «Понятие, которое я формирую о мире, существующем в любой момент, включает наряду с ощущениями, которые я чувствую, бесчисленное разнообразие возможностей ощущения: а именно всю совокупность тех, которые прошлое наблюдение говорит мне, что я мог бы при любых предполагаемых обстоятельствах испытать в этот момент, вместе с неопределённым и неограниченным множеством других, которые я не знаю, что мог бы, но возможно, что мог бы испытать при неизвестных мне обстоятельствах. Эти различные возможности — важная вещь для меня в мире. Мои настоящие ощущения обычно мало важны и к тому же мимолётны: возможности, напротив, постоянны, и это характер, который главным образом отличает нашу идею субстанции или материи от нашего понятия ощущения». Мы замечаем здесь, как Джон Стюарт Милль возвращался к мыслям Беркли и Джеймса Милля, хотя придал им свой характерный поворот. Проблема, как он её сформулировал и попытался решить, продолжала вызывать интерес долгое время; мы встречаем её почти в той же форме

у Аха и Титченера. И без сомнения, трактовка перспективности у Гуссерля сохраняла фрагменты этого взгляда также.

Генри Спенсер (1820–1903) добавил несколько очень важных элементов к классическому ассоциационизму. Поскольку его ценный вклад в психологию остаётся нерелевантным для правильного понимания мысли Гуссерля, мы упомянем его здесь лишь вскользь.

Психология становится независимой наукой. Гербарт и Вундт.

В психологической работе Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841) мы видим повторение некоторых базовых идей Локка. Как и Локк, Гербарт ищет под сложностью психических явлений устойчивые и простые элементы. В его системе эти базовые элементы, или элементарные представления, должны мыслиться как качественно различные активные силы, которые взаимно облегчают или препятствуют друг другу. Возникающее, постоянно меняющееся сотрудничество или борьба между элементарными представлениями составляют всю психическую жизнь. Элементарные представления — дискретные, резко разграниченные сущности, различающиеся друг от друга по качеству. Качество такого представления само по себе неизменно, но может меняться по интенсивности. Представление, которое не может быть далее проанализировано, называется простым и элементарным представлением; все другие представления составные. Представления, которые в борьбе не сумели выйти на передний план в сознании, исчезают в области бессознательного, сохраняясь там как тенденции, которые воспользуются любой возможностью, чтобы снова войти в сознание.

Гербарт различал сознательную и бессознательную области. Две области отделены друг от друга порогом сознания. Сознание может содержать лишь ограниченное число представлений в любой данный момент. Пока несколько представлений занимают сцену, все остальные должны исчезнуть в бессознательной области. Эти вытесненные представления обладают определённой «подъёмной силой», которая толкает их к сознанию и может быть измерена. Очень часто происходят битвы между разными представлениями за право появиться в сознании. Однако сотрудничество не исключено, и может происходить так называемое слияние между разными элементами; представления красного и синего могут слиться в представление пурпурного. Иногда происходит усложнение, при котором представления разных сенсорных модальностей соединяются в высшее единство.

Согласно Гербарту, высшие психологические единицы, такие как мышление, чувство и стремление, строятся из этих элементарных представлений, которые объединяются согласно фиксированным законам ассоциации, слияния и усложнения. Вся жизнь мыслится как один большой функционирующий механизм, лишённый свободы и спонтанности. В конечном счёте Гербарт принёс человеческое в человеке в жертву, чтобы посредством измерения, вычисления, эксперимента и математических соображений построить «психологию», которая в методологическом отношении могла бы быть равной физике и химии.

Вильгельм Вундт.

Базовая мысль Гербарта может быть найдена в работах Вильгельма Вундта (1832–1920), хотя она появляется там в модифицированной, менее крайней форме. Вундт начинал как физиолог; в ходе своей работы в физиологии он пришёл к убеждению, что психологические явления не могут быть адекватно объяснены на основе физиологических процессов. Он был убеждён, что физиология может быть не более чем вспомогательной наукой для психологии и что психология и физиология полностью различаются по намерению их исследования. Из этого не следует делать вывод, что методы, используемые в двух науках, должны быть столь же различны: психология, как и физиология, должна моделировать себя по физическим нау-

кам в том, что касается их методов. Что касается содержания, однако, психология полностью отличается от других наук.

В физике и химии мы действительно имеем дело с непосредственным опытом; но забота не о непосредственном опыте как таковом, а о том, что проявляется через него или в конечном счёте скрывается в нём. Область непосредственного опыта для физических наук — лишь инструмент, посредством которого выходят на свет собственные данные физических наук. Психология, с другой стороны, исследует опыт ради него самого; она пытается исследовать опыт посредством опыта. Вот почему подходящий метод для психологии — интроспекция, под которой Вундт понимал внимательное и непосредственное свидетельствование собственного опыта.

Хотя Вундт видел психическую жизнь человека как тотальность, он тем не менее думал, что эта тотальность не может быть понята, если не рассматривать её как составное целое элементарных психических единиц. Анализ человеческого сознания показывает, что нужно различать два элемента: элементарные ощущения и элементарные чувства. Все высшие сознательные явления могут быть построены из этих фундаментальных элементов. Хотя такие явления, как ощущения и чувства, выходят на передний план только посредством процесса абстракции, Вундт тем не менее предпринял попытку тщательно определить все характеристики этих элементов. Все элементы имеют общее то, что в них можно различить качество и интенсивность. Градации интенсивности непрерывно следуют прямой линии от низкого к высокому; однако существует более одного качественного измерения. Есть также ряд характеристик, отличающих чувства от ощущений. Чувства характерно образуют контрастные пары. Более того, среди элементарных чувств существует большее разнообразие, чем среди элементарных ощущений, и их также больше. Однако происхождение чувств простое, поскольку они проистекают из субъекта, взятого в целом, тогда как ощущения из-за их отношений к совершенно разным объектам основаны на многочисленных разных условиях, которые, по крайней мере частично, могут быть изолированы друг от друга. Наконец, Вундт поместил чувства в трёхмерный континуум вдоль осей удовольствие-неудовольствие, возбуждение-успокоение и напряжение-расслабление.

Одна из задач психологии — объяснить, как ряд комбинирующихся элементов может порождать составные высшие явления сознания. Эти составные явления делятся на две главные группы: представления, которые параллельны ощущениям, и эмоции, которые соответствуют элементарным чувствам. В области представлений Вундт различает далее интенсивные пространственные и временные представления, тогда как главные формы эмоций **образованы** комбинациями чувств, аффектами и процессами воли. Во всех этих случаях под составным сознательным явлением Вундт понимает тот или иной составной компонент нашего непосредственного опыта, который посредством определённых характеристик выделяется из содержания этого опыта так, что может мыслиться как относительное единство и обозначаться специальным именем. Деление составных сознательных явлений следует элементам, из которых они предположительно построены; когда доминируют ощущения, они называются представлениями, тогда как они называются эмоциями, если преобладают элементарные чувства. Составные явления сознания часто поддерживают взаимные связи; под влиянием определённых синтетических процессов они могут появляться как одновременные комплексы или образовывать прогрессивные цепи.

Высшие психические комплексы Вундта обладают характеристиками как целое, которых лежащие в основе элементы как таковые не имеют. Высшие умственные комплексы, таким образом, больше не рассматриваются как простые агрегаты элементов. И подобно этим высшим комплексам, вся наша психическая жизнь также образует единство высшего порядка; целое, которое больше суммы своих частей. Синтез, возникающий таким образом, творческий в отношении определённой группы характеристик. Вундт поэтому говорит о творческом син-

тезе — понятие, которое предвосхищает позднейшую гештальтпсихологию. По той же причине психология Вундта называлась некоторыми его современниками «психической химией», поскольку, по его взгляду, конституирование высших единств управляется причинными законами. Однако здесь нужно осознать, что в концепции Вундта психические элементы — не статические вещи, а психические процессы, тогда как выражение «причинные законы» в этом контексте относится лишь к связи, характерной для психического развития человека.

Как бы то ни было, следующая задача психологии состояла в изучении фундаментального принципа, согласно которому психологические элементы соединяются друг с другом. Следуя английской традиции в этом отношении, Вундт говорил об ассоциации в случаях соединения элементов, при котором само сознание остаётся пассивным. Ассоциация может появляться в форме слияния, когда, например, два цвета или два тона образуют новый цвет или тон, в котором идентичность каждого утрачена; в форме ассимиляции, когда два представления изменяют друг друга без полной утраты идентичности; Вундт говорит об усложнении, когда соединяются элементы, принадлежащие областям разных чувств. Когда сознание играет активную роль в соединении элементов, Вундт говорит об апперцепции.

Высшие явления сознания, такие как мышление и воление, безусловно, не зависят исключительно от ассоциации; апперцепция всегда играет роль в их конституировании. Апперцепция — процесс воли, который управляет ходом наших психических процессов, сознательно помещая определённые явления в фокус сознания и относя другие к перцептивному горизонту. Апперцепция, таким образом, есть телеологическая ориентация нашего внимания на определённые психические содержания. Психология Вундта таким образом обходит некоторые серьёзные возражения, выдвигаемые против ортодоксального механистического ассоциационизма. Его психология уже не есть взаимодействие слепых механических законов; но высшие психические явления управляются и направляются апперцепцией так, что эти психические процессы развиваются не слепым и механическим, а телеологическим образом.

Концепция апперцепции Вундта дополнительно характеризовалась особенно тем, что включала содержание чувства. Апперцепция на этом основании помещается среди волевых процессов. Физиологически Вундт также приписывал апперцепции локализационный центр, который он помещал где-то в коре переднего мозга.

Воление образует почву, в которой укоренены все те психические процессы, психические элементы которых конституируются элементарными чувствами. Именно в процессе апперцепции воление вступает в непосредственный контакт с репрезентативными содержаниями сознания. Однако поскольку процессы воли проявляются как события, которые, несмотря на всё их разнообразие, тем не менее предстают как взаимно связные и однородные, возникает непосредственное чувство активности, сопровождающее каждое воление. Это чувство связности затем распространяется на всю нашу психическую жизнь. Именно это чувство связности Вундт называет ego. Это самость, таким образом, не есть представление; это чувство, которое по существу связано с универсально присутствующим опытом и представлением тела.

Психологическая работа Вундта не ограничивается рассмотрением того, как составлены явления сознания, как они развиваются и относятся друг к другу. Психология, согласно ему, должна пытаться найти принципы и законы, лежащие в основе всех психических явлений, исследовать «причинность», действующую во всех психических процессах. Центральное место в этом исследовании занимает позиция понятия «душа». Вундт ссылался здесь на объяснительное понятие, позволяющее исследователям делать причинные интерпретации. Однако концепция души как субстанции была отвергнута Вундтом; напротив, взгляд Вундта состоит в том, что душа должна пониматься как принцип деятельности, то есть сама сущность души состоит в непосредственной реальности самих процессов.

Эта точка зрения открывает новую перспективу для традиционной проблемы тела и души. Вместо двух непримиримых субстанций, тела и ума, мы теперь имеем две разные пер-

спективы одного и того же опыта. Психофизический параллелизм таким образом отвергается, по крайней мере до известной степени; это стало особенно очевидным в трактовке Вундтом психических элементов и высших явлений сознания. Как мы видели, процессы, посредством которых формируются высшие явления сознания, управляются ценностями и телеологическими принципами. Именно такие принципы и ценности не могут быть объяснены в рамках строгого психофизического параллелизма. Становится необходимым принять отдельную и независимую психическую причинность, которая в свою очередь требует новых и специальных принципов.

Тем не менее Вундт оставался пленником дуализма Декарта. Ибо он всё ещё держался разделения тела и сознания. И хотя он сам погружает сознание в сумму, или лучше в структуру, фундаментальных элементов и содержаний сознания, его вклад в психологию был многочисленным и разнообразным. Он утвердил эмпирическую психологию как независимую науку и в значительной степени сумел заменить механистические интерпретации своих предшественников телеологически ориентированными интерпретациями психической жизни. Делая это, он проложил путь для позднейших холистических психологий. Достойно сожаления, что Вундт не мог проследовать свои идеи туда, куда они почти неумолимо вели.

Физиологическая психология.

Ранее указывалось, как физиологическая психология постепенно заняла своё место рядом с психологией сознания. Интерес нескольких великих физиологов XIX века был сосредоточен на структуре и функции чувств. Их исследования ясно показали, что чувства не могут изучаться адекватно без психологических соображений, поскольку функционирование чувств не может быть полностью понято без учёта сознательных содержаний, которые таким образом возникают. Физиолог, таким образом, вступил в контакт с психологией. Психолог со своей стороны также чувствовал потребность включить физиологические аспекты чувств. Контакт между двумя дисциплинами привёл к физиологической психологии, в которой психологические аспекты почти полностью подчинились физиологическим соображениям; психология почти полностью сдалась физиологии.

Френология способствовала этому процессу, когда Галль (1758–1828) и Шпурцхайм (1776–1832) сформулировали теорию, которая приписывала каждому познавательному и влеченческому функцию определённый локализационный центр. Этот взгляд привёл к проблеме того, что именно есть сознание и каким образом оно может быть связано с функционированием определённых органических факторов. Более того, исследования Белла (1774–1842), Мажанди (1783–1855), Й. Мюллера (1801–1855) и Фехнера (1801–1887) привели к совершенно новой экспериментальной науке на границе между физиологией и психологией. Фехнера следует считать настоящим основателем этой новой науки, называемой психофизикой или психофизиологией. Результаты исследований Фехнера и Вебера (1795–1878), многие из которых остаются релевантными сегодня, укрепили взгляд, что психологию следует мыслить в функции физиологии. Выдающимися сторонниками новой физиологической психологии, помимо Фехнера и Вебера, были Г. Гельмгольц (1821–1894), молодой Вундт, Г. Эббингауз, Г. Мюллер и Т. Циен. Г. Мюллер — без сомнения, самый важный представитель этого движения. Однако мы ограничимся здесь кратким обсуждением Циена и Эббингауза, поскольку Гуссерль, по-видимому, был ближе знаком с их работой, чем с работой любого другого представителя этой группы.

Циен и Эббингауз.

Как и Циен, Эббингауз (1850–1909) по большей части оставался в рамках ассоциационизма. Он также видел элементарные чувственные опыты как фундаментальные элементы

психической жизни. Эти чувственные опыты либо вызываются внешними стимулами, либо появляются в сознании как репродукции, и в этом случае он говорил о представлениях. Эти представления ассоциируются друг с другом, следуя простым ассоциативным законам. Эти ассоциации в конечном счёте порождают все высшие явления сознания. Эта схема имеет трудности с объяснением чувств. Как мы видели раньше, процесс сведения чувств к элементарным ощущениям по крайней мере очень неловкий подвиг. Такие мыслители, как Штумпф и другие, пытались избежать трудностей, рассматривая чувства как особую группу опытов, которую они называли элементарными чувственными опытами. Циен предпочитал видеть чувства как характерные свойства ощущений, тем самым отрицая их место как независимых элементов сознания. Эббингауз рассматривал чувства как сопровождающие явления определённых ощущений и представлений. Связь, однако, между чувствами и ощущениями относительно свободна, поскольку приходы и уходы организма оказывают большое влияние на чувства, которые будут сопровождать ощущения или представления. Похоже, что в этом пункте Эббингауз пробивал брешь в традиционной ассоциационистской схеме, поскольку он возлагал на тело задачу совместного влияния на процесс, посредством которого разные элементы ассоциируются друг с другом.

Тем не менее опыты влечения и воления объясняются как Эббингаузом, так и Циеном способом, который снова остаётся верным принципам ассоцианизма. Влечение и воление рассматриваются как простые сопровождения ощущений и представлений. Телесные движения, которые проистекают из этих влечений и волений, соответственно объявляются неподходящими для дальнейших психологических рассмотрений. Эббингауз прямо говорит, что движения не могут рассматриваться как психические явления. Только пока они появляются, они становятся сознательными; и это сознание возникает через ощущения, а именно через опыты мышечного напряжения и движения конечностей или определённых других частей тела, то есть через кинестетические опыты.

Циен согласен здесь. Для него движения просто не являются подлинными психическими явлениями в том смысле, в каком ими являются ощущения и представления; они лишь эффекты психических процессов.

Все высшие психические процессы, таким образом, мыслятся возникающими, когда сенсорные элементы сознания и их представления соединяются друг с другом согласно законам ассоциации. Эббингауз, Мюллер (1850–1934) и Циен все следуют этой схеме в её крупных чертах, хотя их наблюдения над определёнными психологическими явлениями вынуждают их время от времени вводить модификации. Несколько примеров сделают это ясным. Внимательность, например, не рассматривается как специальный процесс апперцепции, как мы видели у Вундта; она объясняется вместо этого как побочный продукт законов, управляющих нашими представлениями. Циен использует здесь своё понятие «констелляции». Согласно ему, есть четыре фактора, определяющие, будет ли определённый стимул «выбран» как объект внимания. Он упоминает в этой связи интенсивность стимула, степень его сходства с определённым соответствующим образом памяти, силу сопровождающего чувства и констелляцию представлений. К этому добавляются мышечные опыты, которые объясняют сознание активности, сопровождающее состояние внимательности.

Само восприятие объясняется почти так же, как внимательность; оно возникает в результате ассоциативного сотрудничества представлений. Но мы видим здесь ещё один случай, когда классический взгляд на законы ассоциации преодолевается. Признаётся, что восприятие есть нечто большее, чем сумма ряда одновременных или последующих ощущений, вызванных воспринимаемым объектом. Далее признаётся, что восприятие, с одной стороны, больше, а с другой — меньше, чем сознание полученных стимулов, которое предположительно находится в совершенной гармонии с объектом. Но обогащение, как и обеднение, объясняются в терминах нашего прошлого опыта, то есть в терминах случайных представлений, вызываемых

посредством ассоциации. Таким образом, не внутренняя характеристика нашей души заставляет определённые объекты или события казаться нам такими, какими они кажутся. Простой факт, что существуют определённые группы стимулов, которые регулярно ассоциировались друг с другом снова и снова, объясняет богатство или бедность содержания наших восприятий.

Концептуальное мышление также объясняется на основе представлений. В этой связи используется крайне расплывчатое понятие «общих представлений» вместе с сомнительным понятием «словесного представления». Во время формирования общего представления ум образует большое число и разнообразие представлений. Эти представления не выбраны беспорядочным, случайным образом, и они не полностью вписываются в заранее задуманную схему; они возникают в ответ на собственную внутреннюю природу души. Хотя эти представления не отвечают никакой объективной внешней реальности, мы тем не менее остаёмся убеждёнными в существовании этих вещей. Циен даёт очень сложное объяснение того, как понятие может быть построено из бесчисленного количества составных представлений, даже если эти представления не могут быть вызваны в нашем опыте. Есть также попытка объяснить абстракцию и формирование самих понятий через ассоциацию. Даже самость есть лишь представление, хотя и самое важное. Если в сознании это представление выходит на передний план очень сильным образом, оно называется самосознанием.

Наконец, эмоции и аффекты также должны объясняться с помощью представлений. По взгляду Эббингауза, аффекты суть чувства, то есть сопровождающие явления опытов и представлений, которые основаны на операции представлений, выходящих на передний план посредством ассоциации; эти чувства проявляются непосредственно с большой силой. Также и такие сложные явления, как конкретное поведение человека и особенно его свободные действия, должны равным образом стать предметом аналогичного объяснения. В зависимости от взаимных отношений между разными представлениями возникают разные фазы обдумывания, выбора, склонности, планирования и принятия решения. Внешние стимулы запускают эту сложную цепь событий и игру между соответствующими представлениями, которые сами имели своё происхождение в более ранних впечатлениях, но теперь принадлежат постоянному запасу представлений в душе.

Мюллер, особенно, пытался продумать эту точку зрения более последовательным образом, чем это делали его эклектические современники Эббингауз и Циен. Многие его находки имеют непреходящую ценность, и особенно ясный, аналитический метод этой группы физиологических психологов, несомненно, имеет непреходящую ценность.

Что бы ещё ни произвело это движение в непреходящих вкладах, неудивительно, что образовалось контрдвижение, протестовавшее против одностороннего упрощённого взгляда на психическую жизнь человека. Этот протест был частично встречен утверждением, что психология использует атомизм лишь как методологическое средство, чтобы установить некоторый порядок в сложной сети психических данных. Также были попытки сделать сами атомистические темы более приемлемыми посредством дополнительных категорий и теорий и признания того, что односторонняя квантификация в психологии неприемлема. Всё это оставалось лоскутной работой, однако, и время созрело для того, чтобы психологи искали совершенно новое основание для своей науки.

Учителя Гуссерля.

Таким образом, мы очертили нашу историю до того момента, когда Вундт, Брентано и Штумпф ввели молодого Гуссерля в психологию. Довольно примечательно, что Гуссерль упоминает Вундта и Штумпфа очень редко, тогда как он, кажется, помнит точку зрения Брентано буквально в бесчисленных случаях. Вероятно, причину этого можно найти в том, что Гуссерль был философом и судил своих профессоров по их силе как философов. Поскольку о Вундте

уже говорилось, мы ограничимся в этом разделе обсуждением психологической мысли Брентано и Штумпфа. Мы далее ограничимся теми аспектами их психологических теорий, которые имеют прямое отношение к точке зрения Гуссерля.

Франц Брентано.

Франц Брентано (1838–1917) был без сомнения профессиональным философом, а не психологом. Как философ он предпринял огромную задачу освобождения философии от всех лишь традиционных убеждений; соскабливания с философии всего коррозийного мёртвого груза, накопленного ею за века. Его целью было не что иное, как восстановление философии в её первоначальном великолепии. Брентано был воспитан в неосхоластической философской традиции. После рукоположения в священники в 1862 году он сначала сосредоточился на Аристотеле и великих средневековых мыслителях. Позже он пришёл к убеждению, что Бэкон, Декарт, Лейбниц и Локк — философы величайшего масштаба. Он был принципиально против Канта, Фихте и Гегеля. Позже особенно в мысли Лотце и Джона Стюарта Милля он нашёл идеи, совместимые с прозрениями, полученными в его исторических и критических исследованиях. Первоначально Брентано был убеждён, что единственно возможный метод для философии — тот, который используется науками.

С 1886 года до своей смерти он говорил с одобрением о позитивизме. Уже в 1869 году он признавал в Огюсте Конте одного из важных философов своего времени. Брентано, однако, был столь же убеждён в возможностях, присущих метафизике, если только её можно будет развивать и исследовать с помощью методов, используемых в эмпирических науках. Брентано никогда не разработал полной философской системы; он ограничивался несколькими важными, ясно определёнными вопросами, в трактовке которых оставался в рамках широкой перспективы позитивизма.

Одной из первых и самых важных проблем для Брентано было обеспечение прочного основания для подлинно научной философии. Это основание, конечно, нельзя было найти простым возвращением к Аристотелю. В связи со своими исследованиями о бессмертии души — темой, которой он посвятил большую часть своего преподавания, — Брентано вступил в глубокий контакт с психологией. Вероятно, под влиянием Джона Стюарта Милля он пришёл к выводу, что психология в конечном счёте может обеспечить прочное основание для философии. После того как это прозрение пришло к нему, Брентано всё ещё считал Конта великим философом, но отвергал его взгляды на невозможность метафизики и психологии.

Брентано ясно видел, что психология его времени не сможет образовать нужную отправную точку для новой философии. Ни психология Джеймса, ни психология Милля, Фехнера, Вундта или Лотце не была способна взять на себя такую важную задачу. Часть трудности состояла в том, что эти психологи не смогли адекватно очертить предмет своей дисциплины, не было и достаточного обоснования для использования её базовых понятий. Брентано надеялся заполнить лакуны в существующей психологии. Он хотел заменить существующие, взаимно антагонистические психологии и заложить основание для подлинно научной, подлинной психологии, которая в конечном счёте могла бы образовать основание для философии.

Сама работа Брентано, однако, не была психологической по своей природе. Он интересовался психологией лишь постольку, поскольку она могла продвигать его философский поиск. В своей «Психологии с эмпирической точки зрения» Брентано решительно поддерживает эмпиризм, хотя с самого начала даёт понять, что определённая «идеальная интуиция» не была бы несовместима с эмпиризмом. Он не уточняет, что имеет в виду под «идеальной интуицией», но из общего контекста можно заключить, что он имел в виду непосредственную интуицию идеальных сущностей; он **во всяком случае** не имел в виду априорное знание в смысле Канта. Согласно Брентано, эмпирическая психология должна делиться на описательную и генетиче-

скую психологию. Описательная психология — более фундаментальная из двух, поскольку не имеет смысла исследовать причинную связь между психическими явлениями, если мы сначала не знаем, что эти психические явления есть. Это деление на описательную и генетическую части было совершенно новым для психологии, хотя подобные деления были установлены в таких науках, как анатомия, физиология и геология. Однако существует большое различие между описательным характером психологии, как его видел Брентано, и описательным характером такой науки, как анатомия. В описательной анатомии можно брать отправной точкой довольно точное очерчивание предмета этой науки и существенных различий, делений и категорий, которые будут использоваться в дальнейшем развитии науки. Психология, напротив, ещё не обладает этими очерчиваниями. По взгляду Брентано, именно первая задача описательной психологии — объяснить, как можно точно очертить предмет психологии, и далее вывести на свет фундаментальные различия и категории, которые жизненно важны и абсолютно необходимы для точного описания психических явлений. Брентано утверждал, что эта задача может быть выполнена только через тщательное, интуитивное исследование непосредственно данных психических явлений, их свойств и сродств.

Более того, Брентано считал описательную психологию логически предшествующей генетической психологии. Описательная психология не только относительно независима от генетической психологии, но даже образует foundational науку в её отношении. Аналогичным образом описательная психология даже обладает той же функцией в отношении всех других наук. Именно так Брентано намеревался конституировать совершенно независимую психологию, которая сначала основывает себя, а затем способна прояснить основания всех других наук. Важный пункт здесь в том, что психология больше не может ориентироваться на физику, поскольку физика должна быть именно радикально обоснована психологией.

Но как такая автономная психология может стать реальностью? Разве Конт не дал убедительного доказательства, что интроспекция лишена всякой научной ценности? Брентано признаёт, что в интроспекции интенциональное и намеренное самонаблюдение не имеет никакой научной ценности. Однако каждое восприятие объектов в мире всегда сопровождается рефлексией и, таким образом, непосредственным осознанием наших собственных психических явлений, которое как непосредственно присутствующее обладает аподиктической очевидностью. Такое внутреннее осознание, однако, есть лишь сопровождающее явление, которое представлено нам вместе с внешним восприятием. Поскольку наше внимание сосредоточено на внешних явлениях, мы легко не полностью осознаём внутренние явления, и поэтому очень трудно адекватно описать внутреннее восприятие. Брентано утверждает, что возможно сосредоточить наше внимание на этом внутреннем явлении в момент, когда оно уже прошло в действительности и кратко задерживается как воспоминание. Брентано не был вполне доволен этим взглядом, поскольку он делал эту всеважную очевидность внутренних явлений зависимой от памяти. Но поскольку он не видел другого пути добраться до этих внутренних явлений, кроме как посредством непосредственной памяти, он чувствовал, что мы должны примириться с этим фактом.

Следующая задача, которую Брентано поставил перед собой, — отличить область психического от непсихического. После тщательного сравнения психических и физических явлений он пришёл к выводу, что их существенное различие может быть описано в терминах интенциональности. Все психические явления интенциональны; они необходимо направлены на объект, отдельный и отличный от самого психического опыта.

Брентано прямо заявляет, что пришёл к своему открытию после изучения интенциональности, как она встречается в схоластике; по его взгляду, эта концепция, однако, должна быть изменена во многих аспектах. Принцип интенциональности Брентано состоит в том, что психические явления подразумевают необходимую отсылку к объектам, отличным от этих явлений как таковых. Позже он несколько исправил этот взгляд, чтобы учесть тот факт, что настроение, как и чувства, по-видимому, не указывают за свои пределы. Вот почему позже он делает явное

различие между первичными и вторичными объектами отсылки. Первичный объект отсылки — объект, на который направляется психическое явление. Вторичный объект отсылки — само психическое явление. Психические явления, следовательно, могут направляться на что-то вне себя, но могут также обращаться на себя. Очевидно, что психические явления не стали бы сознательными, если бы могли направляться только на внешние объекты. Заметим здесь, как вся область бессознательных явлений исключается из области психологии. Брентано не смог найти удовлетворительных ответов на проблемы, к которым привело это упущение. Кроме того, он совершил ошибку, исключив из психологической области изучение объектов, на которые должны направляться психические явления.

Интенциональное отношение, которое психическое явление поддерживает со своим объектом, приобретает дальнейшую важность, когда Брентано пытается классифицировать психические явления. Качество этого интенционального отношения меняется от одной группы психических явлений к следующей. На основе разных качеств их интенциональных отношений с объектами Брентано делает различие между актами представления, суждения и актами любви и ненависти. Кажется, странным наблюдать, как он делает такое резкое различие между представлением и суждением, а затем видеть, как он сваливает все настроения, аффекты, чувства и стремления в одну большую категорию. Эта процедура оправдывается на том основании, что в явлениях становятся заметны дискретные различия, когда мы движемся от представлений к суждению. Двигаясь же от любви к ненависти, мы никогда не осознаём определённой точки, где одно явление останавливается и начинается другое. В этой категории явления постепенно перетекают друг в друга, делая ненужным установление фундаментальной дифференциации внутри этой области.

Брентано далее видел представления как первичный и самый фундаментальный класс психологических явлений; суждения, как и акты в группе любви и ненависти, все предполагают представления. Тот факт, что все психологические явления либо сами суть представления, либо зависят от одного или более представлений, можно рассматривать как фундаментальный закон психологии. Этот закон не достигается через индукцию, но непосредственно дан в нашем первом анализе явлений.

Проблема времени занимает центральное место в философских и психологических рассмотрениях Брентано. Он поставил вопрос о том, как переживается время и как опыт настоящего отличается от опыта прошлого и будущего. Различие во временном опыте возникает, когда мы подходим к явлению как к представлению, а не когда мы судим явление. Представления, следовательно, особенно отмечены временными модусами. Далее важно заметить, что настоящее время есть непосредственно данное время, тогда как другие временные модусы представляют себя лишь косвенно посредством актуальных представлений. Брентано в конечном счёте заключает, что nenresent события, которые не происходят в настоящем времени, лишены реальности, если только они не даны каким-то образом в настоящем. Благодаря своему вкладу в проблему времени и особенно своему способу подхода к временным проблемам Брентано оказал непреходящее влияние непосредственно на Гуссерля и косвенно на Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти.

Для правильного понимания феноменологии Гуссерля важно рассмотреть акцент Брентано на непосредственности. Брентано так боялся создавать бессмысленные сущности, что объявлял всё фиктивным, если оно не отсылает непосредственно к непосредственно данным психическим и физическим явлениям. Однако, чтобы избежать английского номинализма Оккама, Локка и Юма, он принял идею, что каждое понятие о реальности должно рассматриваться как универсальное, поскольку опыт учит нас только тому, что универсально. Эта аристотелевская идея была не очень убедительной для многих его учеников и стала главным импульсом среди его последователей к поиску разных философских путей.

В первой части «Логических исследований», в которой Гуссерль даёт свою критику психологизма в логике, имя Брентано не упоминается. Многие философы, включая самого Брентано, заключили, что это упущение подразумевает, что Гуссерль должен был чувствовать, что Брентано также виновен в психологизме, но что Гуссерль не хотел говорить это открыто из уважения к своему бывшему профессору. Гуссерль приложил большие усилия, чтобы убедить Брентано в обратном. Согласно Шпигельбергу, было бы действительно неверно считать Брентано виновным в психологизме, как его определяет Гуссерль, поскольку у него никогда не было намерения основывать логику на психологии. Однако Брентано можно считать виновным в психологизме постольку, поскольку он рассматривал всё, что не психично, как физическое и что в конечном счёте все науки, кроме физических, должны основываться на психологии. Подобно тому как физические науки укоренены в математике, так и все другие науки должны основываться на психологии. Психология, на которую ссылался Брентано, однако, была не натуралистической психологией его времени, а скорее «чистой» психологией, покоящейся на совершенно новых основаниях. Эти основания могут выйти на свет только на основе совершенно нового опыта.

Карл Штумпф.

Карл Штумпф (1848–1936) пользовался превосходной и очень обширной подготовкой. Его первоначальный план состоял в том, чтобы стать философом, но его занятия также включали теологию, математику, физику, физиологию и психологию. Он был среди прочих учеником Брентано и Лотце. Его первые работы «О психологическом происхождении представления пространства» (1873) и «Психология тона» (1883) обнаруживают глубокий психологический интерес, хотя написаны с философской точки зрения.

Штумпф считал себя эмпириком. Он высоко ценил и Локка, и Лейбница, но критически относился к Юму, чей феноменализм считал неприемлемым. Штумпф чувствовал, что теория знания должна подчёркивать априорные прозрения, но эти прозрения должны основываться на актуальном опыте и возникать из анализа эмпирических данных. В своём анализе эмпирических данных Штумпф пытается выделить структурные связи, существующие между эмпирически элементарными данными. Он думал, что строгие экспериментальные процедуры могут быть ценными, хотя считал мысленные эксперименты, **проводимые** в «свободной фантазии», более важными. Штумпф утверждал, что такая процедура не имеет ничего общего с индукцией Джона Стюарта Милля. Напротив, по его взгляду, человек обладает способностью интуитивно схватывать универсальное в частном и необходимое в случайном. Способность интуировать не функционирует спонтанно, и интуиция не имеет ничего общего с пассивным созерцанием; интуитивное схватывание подготавливается к функционированию серией подготовительных действий.

Как указывалось, выше, трудно рассматривать работу Штумпфа как чисто психологическую, особенно поскольку он сам считал различие между философией и психологией маловажным. Однако он решительно выступал против психологизма. Он находил невозможным свести все философские проблемы к психологии, особенно когда рассматривал область эпистемологии. С другой стороны, он также выступал против неокантианской школы, которая отвергала психологизм и хотела очистить философию от всех возможных психологических оснований. Штумпф чувствовал, что невозможно провести ясное различие между психологией и философией.

Вероятно, под влиянием Маха, Геринга и Гуссерля Штумпф ввёл термин «феноменология» в своей работе «Явления и психические функции» (1906). В этой книге он интерпретировал свою более раннюю психологическую работу как феноменологическую подготовку к психологии. Штумпф здесь проводит резкое различие между явлениями, понимаемыми как

содержания различных функций, и самими «психическими функциями». Эти психические функции включают восприятие явлений и их взаимных отношений, группировку явлений в комплексы, формирование понятий, суждений и акты понимания, чувства, настроения и акты желания и воления.

Исследования Штумпфа ясно показывают, что эти две главные группы явлений и функций могут быть логически разделены. Это следует из того, что, с одной стороны, психические функции могут быть модифицированы при сохранении явления неизменным, а с другой — явление может измениться без последующей модификации психических функций. Психология должна изучать психологические функции, тогда как изучение явлений должно быть взято на себя определёнными подготовительными науками и позитивными науками. Штумпф делит область явлений на первичные и вторичные явления. Первичные явления — содержания нашего непосредственного опыта, которые как Sinneserscheinungen, или сенсорные явления, представляются непосредственно через чувства; вторичные явления состоят из содержаний производных функций. Из этих явлений ум образует высшие содержания сознания, такие как понятия и ценности, которые Штумпф называет Gebilde, или построения. Между самими явлениями и между явлениями и построениями поддерживаются определённые отношения. Феноменология — подготовительная наука о явлениях; эйдология — подготовительная наука о построениях, а наука об отношениях занята изучением отношений между явлениями и между явлениями и построениями. Штумпф говорит о подготовительных науках, поскольку эти дисциплины имеют своей задачей прояснение оснований всех других наук, естественных и гуманитарных в обычном смысле этих терминов. Хотя эти подготовительные науки суть описательные науки, тем не менее не обязательно, чтобы они ограничивались описанием; могут использоваться другие методы, если они помогают продвигать envisioned цель этой науки.

Было бы бесполезно вводить здесь больше деталей относительно философии Штумпфа, поскольку более глубокое проникновение не продвинуло бы существенно наше понимание Гуссерля.

Психология Уильяма Джеймса.

Согласно Линсхотену, существует несомненное отношение между психологией Джеймса и феноменологической психологией Гуссерля. Вполне определённо, что Гуссерль был знаком с работой Джеймса и что он находился под его влиянием. Столь же определённо, что Гуссерль восхищался Джеймсом и всегда говорил о психологии Джеймса с одобрением. Между двумя мыслителями достаточно сходства по ряду меньших вопросов, чтобы мы могли получить более глубокое понимание Гуссерля посредством рассмотрения мысли Джеймса.

Сенсомоторный акционизм Уильяма Джеймса (1842–1910) характеризуется отвержением позиции, что ощущения, или ощущения вместе с чувствами и суждениями, constitute фундаментальные элементы психической жизни. Вместо этого Джеймс говорит о сенсомоторном рефлексе как фундаментальном элементе; под этим он понимает единство ощущения и моторной реакции. Однако связь со старым сенсуализмом всё ещё видна в роли, приписываемой кинестетическим мышечным ощущениям.

Аналогичные идеи были предложены ранее Александром Бэном (1818–1903), который энергично указывал на роль мышечных ощущений во всех аспектах жизни человека. Бэн считал движение наиболее элементарным фактором психической жизни; оно сразу предшествовало ощущениям и составляло их существенную часть. Эти движения изначально не имеют прямой цели; лишь постепенно они становятся целесообразными под влиянием опыта. Эти движения играют решающую роль в установлении нашего сознания реальности вне нас самих. Именно через эти движения изначально субъективное сознание может войти в контакт с окружающей его реальностью. Этот мир вне сознания даже несёт значение исключительно суммы

всех возможностей для деятельности. Наша вера в реальность мира вне нас покоится на связях, которые сенсорные впечатления поддерживают с определёнными движениями. Стремление и воление находят своё происхождение в приятном чувстве, которое ассоциируется с определёнными мышечными сокращениями.

Помимо влияния Бэна, мы находим в психологии Джеймса следы мыслей Лотце, Брентано и Вундта. Работа Ренувье и Бергсона оказала некоторое влияние на поздние сочинения Джеймса. Тем не менее его психология остаётся оригинальной и очень личной работой. Наиболее адекватный отчёт о его психологической работе можно найти в «Принципах психологии» (1890). В этой работе он протестует против теории «умственного вещества», как её провозглашали Спенсер и Клиффорд. Эта мысль требовала психологического атомизма, в котором чувства могли существовать независимо, не образуя части сознания как такового.

Джеймс раскрывает себя также как противник старого ассоциационизма, который пытался конструировать сознание из отчётливых и отделимых элементов. Он противопоставил этим теориям своё известное понятие потока сознания, в котором пытается схватить скользящий, текучий характер сознания и посредством которого надеялся осветить тот факт, что всё содержание сознания указывает на субъект, который его переживает.

Несмотря на постоянно меняющиеся обстоятельства, которые не позволяют ни одному состоянию сознания когда-либо повториться, мы тем не менее впечатлены чувством непрерывности, лежащим в основе нашего сознания. Всякий раз, когда мы пытаемся изолировать определённое состояние сознания, мы находим его окружённым бахромой, которая обеспечивает этому состоянию место в большем интегрированном целом сознания. Важно также различие между субстанциальными и переходными состояниями в нашей психической жизни. Позиция Джеймса здесь снова против старого ассоциационизма, и он обращает наше внимание на переходные состояния, которые поддерживаются между субстанциальными представлениями.

Джеймс не начинает свою главную работу с описания ощущений. Вместо этого он сосредоточил внимание на рефлексах, полурефлексах, привычках и т. д. Этот порядок характерен для его работы в целом. В качестве критериев существенных аспектов психических факторов он использует целесообразность и выбор средств. Все внешние стимулы переводятся в реакции. Человек — организм, который реагирует на впечатления; его психические способности позволяют ему модифицировать свои реакции. Ни одно впечатление в конечном счёте не остаётся без выражения.

С биологической точки зрения, принятой Джеймсом, все ощущения служат функции привлечения или отталкивания нас. Все воспоминания служат тому, чтобы либо предупредить, либо ободрить нас, наши чувства — чтобы подтолкнуть нас к действию, наши мысли — чтобы дать направление нашим действиям. Наши реакции частично врождённы, частично приобретены. К группе врождённых реакций принадлежат реакции страха, любопытства и т. д.; приобретённые реакции обычно являются модификациями врождённых реакций, которые проявляются, например, в привычках или в актах воли. Странно, что Джеймс уделял мало или никакого внимания чувствам удовольствия и неудовольствия.

Эта психология реакций проливает совершенно новый свет на аффекты. Мы реагируем на определённые впечатления движениями на основе наших врождённых механизмов. Эти выразительные движения считались результатами определённых настроений. Джеймс указывает, что эти движения не следствие, а скорее причина соответствующих настроений. Джеймс не считает это материалистическим взглядом, поскольку первоначальная глубина и смысл аффектов не отрицаются и не умаляются его теорией. Та же базовая мысль, которая лежит в основе трактовки аффектов Джеймсом, может быть найдена в его обсуждениях воли. Джеймс видел каждое представление обладающим скрытой силой, косвенно объясняющей движения тела. Сознательному волению предшествуют движения, и воля может функционировать только с помощью воспоминаний об этих движениях. Очень сложная игра внутренних сил и сдержива-

ний решает в конечном счёте, какое движение будет выполнено. Свободно реализуемые акты, таким образом, рассматриваются как результат взаимодействий между определёнными противоположными силами. Когда мы говорим о воле, мы имеем в виду сложное целое этих сдерживающих и облегчающих сил, которое определяет наши действия. Джеймс пытался соединить этот механистический взгляд с идеей свободы, подчёркивая внимательность, которая в том, что касается длительности и интенсивности, не детерминирована.

Большое значение имеет также анализ самосознания человека у Джеймса. Он проводит здесь ясное различие между «самостью» как объектом сознания, «Me» (англ. *me* — «меня, мне»; самость как объект, то, что мыслится), и «самостью» как субъектом сознания, «I» (англ. *I* — «я»; самость как субъект, то, что мыслит). В области «Me» Джеймс далее различает телесное, социальное и духовное «Me». Во всех этих случаях «самость» — то, что мыслится, а не то, что мыслит. Психологу очень трудно схватить чистое «I», мыслящее и сознательное «Я».

Это мыслящее «I», способное мыслить разные модальности «Me» как объекты, не может быть безвременным единством; столь же невозможно, что оно есть простая совокупность. По взгляду Джеймса, мимолётный поток сознания даже лишён всякой субстанциальной идентичности; есть только функциональное единство. Это функциональное единство между разными состояниями сознания прошлого и настоящего состоит в том, что все они содержат одни и те же вещи и что в отношении «Me» все они реагируют одинаково. Все они признают его как таковое и встречают его как «моё» и полагают его напротив всех других вещей.

Эта функциональная идентичность — единственный вид идентичности, по взгляду Джеймса, к которому психические факты вынуждают психолога.

В этом контексте нет нужды заниматься философскими теориями Джеймса, которые, с другой стороны, дают его психологическим исследованиям их конечные основания, поскольку они, по-видимому, не важны для правильного понимания точки зрения Гуссерля.

Дильтей и «натуралистическая психология».

Прежде чем обратиться к краткому обзору мысли Дильтея об эмпирической психологии, мы ещё раз сосредоточимся на натуралистической психологии и попытаемся суммировать существенные аспекты этого течения. Важно держать эти существенные аспекты в уме, если мы хотим прийти к полному пониманию критики Гуссерлем психологии его времени.

Отнюдь не намерение утверждать, что авторы XIX века, которых мы обсуждали, все полностью подписались бы под тем, что мы считаем характерным для натуралистической психологии. Однако характеристика, которая следует, применима в большей или меньшей степени к явно или неявно принятым точкам зрения натуралистических психологов. Натуралистическая психология, или, скорее, объективирующая психология, видит свою задачу в исследовании того, что лежит в области внутреннего опыта. Она таким образом дополняет другие науки, которые направляют свои усилия на область внешнего опыта. Строго говоря, это деление на внешний и внутренний опыт не является фундаментальным различием, поскольку как внешний, так и внутренний опыт зависят от явлений сознания. Внешний опыт направляется на реальность, существующую вне сознания, и стремится открыть законы, действующие не в самих содержаниях сознания, а во внешних объектах, в которых они основаны. Внутренний опыт сосредоточивается на процессах самого нашего сознания и стремится установить там внутренние законы, поскольку они отличаются от законов, на которые отвечают объекты внешнего мира. Различие между нашим внутренним и внешним опытом определяется, таким образом, не столько типом рассматриваемого объекта, сколько способом, которым объект рассматривается.

Независимо от того, подходит ли к объекту под аспектом внешнего или под аспектом внутреннего, естествоиспытатель расширяет данный опыт рядом построений, служащих

цели дальнейшей понятности. В случае внешнего восприятия понятность усиливается такими построениями, как «вещи», «субстанция», «энергия» и т. д., а в случае внутреннего восприятия — бессознательными представлениями, инстинктами, диспозициями и в конце концов процессами в нервной системе или в других частях тела.

Нам не нужно задавать здесь вопрос, можно ли считать такое разделение между внутренним и внешним опытом состоятельным. Наша цель — охарактеризовать то, что было выбрано в качестве области изучения объективистическими психологами. Объективистическая психология стремится изучать внутренний опыт, непосредственные содержания сознания и сознание как таковое. Эта наука стремится схватить и упорядочить эти непосредственные опыты посредством ряда построений. Хотя субъективный опыт образует отправную точку, метод есть метод объективации, в том смысле, что научная атака на субъективный опыт осуществляется теми же средствами, которые оказались столь эффективными в нашем обращении с внешним опытом. Этот подход отворачивается от базового, внутреннего принципа, который управляет опытами внутренней жизни и согласно которому внутренние опыты, которые в мысли предстают изолированными и отдельными, тем не менее существуют встроенными в тотальность Я-опыта. Отделение внутреннего опыта может происходить только на уровне мысли и только при определённых условиях. В противоположность этому принципу объединяющей встроенности «естественнонаучный» подход насильственно изолирует опыты и затем классифицирует эти изолированные факты согласно закономерности, заимствованной из внешнего мира вещей.

Идеал натуралистической, или объективистической, психологии — идеал химии. Сторонники старого ассоциационизма говорят откровенно и с восхищением о психической химии. Физика аналогичным образом выставляется как вдохновляющий идеал для старой психологии. Предполагается, что одна и та же закономерность действует как во внутреннем, так и во внешнем мире; эта закономерность в обоих случаях покоится на причинности. Хотя объективирующие психологи не всегда делали полные выводы из этой мысли, хотя некоторые из них частично отвергали эти выводы, мы тем не менее не можем считать их противников ошибающимися, когда те утверждают, что объективистическая психология стремится в идеале свести сознание к психическим элементам и затем пытается снова соединить эти элементы посредством механистической причинности.

Результаты опыта даны только одному субъекту, но наука об интерсубъективно значимых фактах требует сообщения об этих опытах как можно более объективным образом. Чтобы удовлетворить это требование, а также избежать трудностей, связанных с субъективными состояниями, объективирующие психологи пытались связать внутренние опыты с внешними наблюдаемыми фактами. Ибо естественные науки показали, как эти внешние факты могут быть представлены объективным образом. Связь между внутренним состоянием и внешним объективным фактом легче всего устанавливалась между ощущением стимула и самим стимулом. Большинство объективирующих психологий выбирали поэтому сенсорные восприятия своей отправной точкой; лёгкость, с которой со стимульной ситуацией можно было обращаться в терминах желаемой методологии, делала их превосходным выбором в качестве первых и самых базовых психологических фактов. Представление можно тогда рассматривать как репродукцию элементарных ощущений, которые в свою очередь могут быть привязаны к определённым стимулам внешнего объективного мира. Понятия можно рассматривать как модификации представлений и, таким образом, мыслить, как опосредованно поддерживающие связи с внешним миром. Расплывчатая группа аффектов и импульсов воли представляет большие трудности. Оказалось, возможным связать эту группу с определёнными внешними стимулами, как только было замечено, что чувства всегда сопровождают ощущения и представления и что эти аффекты, инстинкты и импульсы действительно вырастают из этих ощущений и представлений. Психическая жизнь всё больше рассматривается как зеркальное отражение внешнего

мира. Душа больше не мыслится как субстанция и превращается вместо этого в простое собрание элементов сознания, которые сами суть пассивные реакции на активный внешний мир.

В области сенсорных восприятий натуралистический психолог далее предлагает существование тесной связи между сознанием и возбуждениями в органах и их дальнейшими нервными разветвлениями. Это предложение ведёт нас к выводу, что может быть возможно координировать определённые сознательные опыты с телесными состояниями. Впоследствии были предприняты попытки связать работу определённых частей мозга с воображением и понятиями. Мы можем говорить здесь о попытке локализации и пространственной привязки. Если процессы сознания и физиологические процессы нельзя считать одним, может по крайней мере показаться правдоподобным рассматривать их как строго параллельные процессы. Однако, рассматривая явления сознания строго как явления, сопровождающие телесные процессы, их тем самым объективируют. Этот взгляд действительно дал два главных преимущества: теперь стало возможным подвергнуть психологические явления процессу измерения и квантификации, и стало далее ясно, что единство сознания может быть основано в единстве организма. Фактически, однако, этот взгляд сделал психологию отраслью физиологии. Поэтому неудивительно слышать, как объективирующие психологи так часто говорят о физиологической психологии.

После того как установлена связь между элементами сознания, телесными процессами и внешними стимулами, натуралистический психолог должен создать порядок среди психологических событий. Чтобы выполнить эту задачу, он снова обращается за вдохновением к физическим наукам и затем ищет закономерность, управляющую ходом сознательных психологических событий. Закономерность психологических событий частично покоится на связях между психологическим событием и внешними стимулами или физиологическими процессами; по большей части она покоится, однако, на внутренней регулярности самого психического. Тщательное исследование этой внутренней регулярности психического дало известные законы ассоциации вместе с законами внимания, памяти и т. д. Эти законы считались универсально значимыми для всех человеческих существ и, как таковые, аналогичными естественным законам.

Тесно связано с этим подходом воззрение, что наши действия целесообразны лишь по видимости. Когда воля ставит себе цель, эта единичность цели есть причина процесса, который она таким образом запустила. Вся психологическая жизнь должна протекать механистическим, причинно связанным курсом; человеческий организм должен мыслиться как очень сложная машина. Одна из главных задач психологии — заменить видимую целесообразность человека причинностью. Поэтому становится важным исследовать мириады взаимосвязанных факторов, образующих часть причинной цепи. Рано или поздно, однако, приходится сталкиваться с фактом, что последовательные психологические состояния не **легко** («легко, без труда») поддаются причинным объяснениям. Таким образом, становится необходимым изобрести бессознательное, которое может связать разорванную цепь причинности. Бессознательные силы, используемые для этой цели, обычно более или менее отождествляются с физиологическими процессами.

Фактическая причинность остаётся действующей на уровне бессознательного: причинность, которую мы находим действующей в сознании, должна объясняться бессознательным, лежащим в основе физиологическим паттерном. Хотя многие принимают необходимость гипотетического бессознательного основания, чтобы спасти причинное объяснение сознательных явлений, они тем не менее отрицают необходимость отчётливо психологического субстрата. Ищется психология без психики; изучение человека без души. Психология есть лишь наука о явлениях сознания, а сознание есть не что иное, как последовательность отдельных состояний сознания. Субстанциальный ум, наделённый специальными способностями, отвергается как ненужная гипотеза. Если в сознании можно найти существенные структуры, они должны

необходимо покоиться на паттернах и структурах мозга и остальной нервной системы. Когда поднимается тема «Я», оно всегда относится к содержанию, представлению или понятию.

В вопросах методологии эта объективирующая психология обращается, конечно, к естественным наукам за вдохновением, в результате чего экспериментальные и математические методы приобретают огромное значение. Фактически эта психология никогда не выходила за пределы физиологии, поскольку качественные аспекты психологической жизни отказываются быть постоянно сведёнными к количественным аспектам. Когда Вебер и Фехнер сумели найти устойчивую корреляцию между количественным аспектом стимула и качественным аспектом результирующего ощущения, они, без сомнения, сделали очень полезную работу, хотя сомнительно, можно ли такую работу назвать психологической. Это по существу то прозрение, которое начало пробиваться около рубежа века, и именно с приходом этого взгляда натуралистический идеал начал ослаблять свою хватку на психологии.

Дильтей: описательная психология и «понимание».

Дильтей, своими занятиями всецело укоренённый в науках о духе и, несомненно, один из величайших учёных-гуманитариев XIX века, был гораздо более человеком гениальных целостных интуиций, нежели анализов и абстрактных теоретизирований. Способность к элементарному анализу опыта, а также к логической точности и мышлению в точных понятиях, как этому учатся и упражняются в математическом естествознании, не была его особой силой. Зато несравненной была его способность повсюду обозревать конкретную духовную жизнь — индивидуальную и общественно-историческую — в её живых конкретностях, интуитивно схватывать её типические образы, формы её изменений, её мотивационные связи и осуществлять на них великие обозревающие истолкования, которые делают для нас понятным своеобразное бытие и становление исторической духовности в её конкретной необходимости. Философские исследования Дильтея берут начало в исторических науках; он был особенно знаком с историей «наук о духе». Его главной заботой как философа было установление независимости этих наук vis-à-vis естественных наук как в отношении объекта, так и в отношении метода их изучения. С этой целью он разработал совершенно новую эпистемологию для «наук о духе».

Ему первому стало ощутительно, сколь мало философия Нового времени удовлетворяла науки о духе и что все реформаторские усилия новейшей логики и критики разума, опирались ли они на Канта или на английский эмпиризм, были слишком односторонне определены естествознанием. С ранних лет он сам трудился над «критикой» разума, действующего в науках о духе, над гносеологическим прояснением сущности и возможности тех грандиозных достижений, которые представали в виде новых наук о духе. И тут он вскоре оказался перед вопросом: в какой мере новая физиологическая и экспериментальная психология может когда-либо удовлетворить эти науки о духе, в какой мере оправдано её притязание быть теоретической основной наукой для объяснения конкретной духовности. Он приходит к решительно отрицательному результату.

В 1894 году, в разгар времени, исполненного самых преувеличенных надежд на новую психологию, времени, которое одновременно ожидало от неё точного обоснования наук о духе и реформы логики, теории познания и всех специфически философских наук, появились «Идеи о описательной и расчленяющей психологии» Дильтея (в «Записках Берлинской академии») — как первая атака на эту натуралистическую психологию; гениальная, хотя и не вполне зрелая работа, которая, несомненно, останется незабываемой в истории психологии.

В обширных изложениях Дильтей стремится показать, что в противоположность этой «объясняющей» или «конструктивной» психологии, как он выражается, необходима «описательная и расчленяющая» психология, идею которой он пытается подробно разработать в непрерывной критике, ставшей господствующей экспериментальной психологии. Эта экспе-

риментальная психология, говорит он, следует идеалу точного естествознания, в особенности идеалу новоевропейской атомистической физики. Как та подчиняет физические явления причинной связи посредством ограниченного числа однозначно определённых элементов, так и она хочет подчинить явления душевной жизни причинной связи. При этом она действует, как и физика, гипотетически и конструктивно, посредством выводов, трансцендирующих опытное созерцание. То есть на основе опыта она создаёт гипотетические субструкции неиспытанных причинных связей и относящиеся к ним гипотезы законов. Но весь этот процедурный способ совершенно неадекватен сущности психического. Он возник из неправомерного расширения естественнонаучных понятий на область душевной жизни и истории. В естествознании этот способ имеет смысл и необходимость; ибо оно покоится на внешнем опыте, который даёт нам природу как лишь пространственное вне-положение друг друга, причём при этом не дано непосредственно в созерцании то, что сообщает этому голому вне-положению закономерное единство — объективные связи сквозной причинности. Психология же и, далее, все науки о духе относятся к единой, полностью данной через внутренний опыт духовной связи. Внутренний опыт не даёт голого вне-положения; он не знает разделения на куски, на самостоятельные элементы. Он знает лишь внутренне переплетённые состояния, переплетённые в единстве универсальной связи, которая сама как связь необходимо дана вместе с внутренним созерцанием. Смотрим ли мы на неё и на отдельные выделяющиеся в ней моменты, смотрим ли мы на отдельные восприятия, воспоминания, чувства, воления или не смотрим, направляем ли мы наш воспринимающий особый взгляд или не направляем на их переплетения, их перетекание друг в друга и происхождение друг из друга — всё это и как единая связь есть переживание. Живая жизнь непрестанно струится вперёд, и она не только есть, она есть переживаемое, и в любой момент на неё может направиться внимание, размышление, оценивание и т. д. Но это само лишь новые пульсы этой жизни, не внешние ей, а упорядоченные в неё саму как момент, как переживание в жизни, направленное на отдельно выделяющуюся жизнь в непрерывном единстве жизни и переживания.

В том, что душевная жизнь дана не только внешне и как вне-положение, но что она дана в своей связи, дана через самопознание, через внутренний опыт, — в этом состоит основное различие психологического познания от познания природы. И в этом же обосновано фундаментальное своеобразие наук о духе в противоположность естественным наукам. В то время как последние могут лишь гипотетически-субструирующе и конструктивно «объяснять», сущность наук о духе состоит в том, чтобы понимать, соответственно — делать понятным.

Точнее говоря, их своеобразная задача — через установление единого созерцания, через возвращение к внутренне испытываемым духовным связям (к собственным и чужим, к единично-субъективным и общностно-субъективным) делать понятным единство духовной жизни, духовного действия, достижения, творчества. В краткой формуле: естественнонаучное объяснение противостоит гуманитарному пониманию. Но это понимание ещё не осуществлено простым установлением голого единого созерцания, в котором сопереживаются конкретные связи. Нечто подобное осуществляет ведь любое поэтическое изображение. Но многословно восхваляемая психология великих поэтов и писателей в действительности не есть психология, не есть наука. Необходим, напротив, научный, на чисто интуитивной основе совершающийся анализ, образование понятий и систематическое описание. Задача касается не только дескриптивного указания типов отдельных душевных данных, но и типов связей. Единичное в душевном ведь лишь абстракция. Чувство, настроение, всплывающая мысль, пробуждающаяся надежда и т. п. — всё это никогда не есть изолированное переживание; оно есть то, что оно есть, в душевной среде, в своих переплетениях, своих мотивациях, индикациях и т. д., и эти последние суть неотделимо сопереживаемые моменты связи, душевной функции. Так что великая задача состоит в том, чтобы систематически расчленять многообразные переплетения, объединяющиеся в соответствующее единство структурной связи, и описывать их в их типике.

Структура обозначает сложное переплетение, принадлежащее каждой конкретной фазе струящейся душевной жизни. Также и последовательность фаз, сообщающая жизненному потоку последовательное единство, имеет свою типику. Душевная связь есть связь действования, связь развития, и она проникнута аналитически выявляемой имманентной телеологией. Через всю жизнь проходит направленность на ценности, единое стремление к счастью, к удовлетворению, инстинктивная или сознательно-целевая направленность. Так, то инстинктивно, то сознательно-целевым образом из духовных образований порождаются новые образования; субъективные душевные деятельности и достижения единичных субъектов соединяются в общие деятельности и достижения; темой становится, следовательно, и творческая духовность всех ступеней, вплоть до высоких образований искусства, науки, религии; они должны быть понимающе прояснены, приведены к дескриптивному пониманию посредством элементарного и систематически восходящего анализа.

Великое значение дильтеевских изложений состояло прежде всего в том, что он позитивно сказал о единстве душевной жизни как единстве переживания, и в вытекающем отсюда требовании чисто интуитивно творящей дескриптивной психологии: психологии, которая, несмотря на «голое» описание, должна всё же осуществить особый род высшего объяснительного достижения, а именно тот, который Дильтей выразил словом «понимание». Ибо разве нельзя в очень хорошем смысле сказать, как говорят историки: понять историческую связь — это и есть её единственно осмысленное объяснение.

Дильтей пришёл к познанию того, что научное описание на основе внешнего опыта и научное описание на основе внутреннего опыта, опыта чисто духовного, обозначают принципиально различные достижения. Он видел, что в области духовности оно уже несёт в себе совершенное объяснительное достижение — в силу сопереживаемости как всех духовных переплетений, так и всех переплетений мотивации. Чистый и достаточно далеко продвинутый анализ и описание объясняют и объясняют даже вполне удовлетворительно то, о чём спрашивает конкретная историческая наука о духе, ибо здесь объяснение не имеет иного смысла, кроме как сделать зримыми внутренние необходимости духовного становления, духовного происхождения из духовных оснований. Духовность несёт в себе и чисто в себе род причинности — причинность мотивации. И она сама принадлежит к составу переживания, следовательно, непосредственно доступна простой интуиции и описанию. Понять становление художественного произведения в науках о духе — не значит заниматься психофизикой, то есть спрашивать о причинностях, протекающих между душевной жизнью художника и физической природой, о психофизических причинностях, — но значит вжиться в жизнь и стремление художника, привести их к соответствующему и полному живому созерцанию и из его мотивов сделать понятной систему целеполаганий и реализующих действий. Если это осуществлено полностью, то не остаётся больше ни одного осмысленного искусствоведческого вопроса.

Границы дильтеевского подхода и причины его ограниченного воздействия.

Дильтей, однако, не смог довести свой замысел до строго научной формы. Его «описательная и расчленяющая психология» осталась гениальным наброском, а не разработанной дисциплиной. Причины ограниченного воздействия Дильтея на современников двояки. С одной стороны, они лежат в недостаточности понимания со стороны его читателей: психологи, воспитанные на естественнонаучном образце, не были готовы усмотреть в «понимании» особый род объяснительного достижения и воспринимали дильтеевскую программу как отказ от научности вообще. С другой стороны, границы лежат в самом его подходе. Дильтей исходил из целостных интуиций исторической духовности и не располагал тем элементарным анализом опыта и той логической точностью понятий, какие вырабатываются в математическом

естествознании. Поэтому ему не удалось показать, как из простого описания вырастает строгая наука о душевной жизни, и не удалось обосновать статус описательной психологии как фундаментальной дисциплины. Кроме того, его программа оставалась в плену противопоставления «объяснения» и «понимания», не проясняя до конца, в чём состоит собственная сущностная структура психического, которая делает возможным и описание, и понимание. Именно здесь и открывается место для феноменологической психологии Гуссерля: она должна была дать строго научное, интуитивно-описательное основание для понимания душевной жизни, которого не смогла дать ни натуралистическая объясняющая психология, ни описательная психология Дильтея в её первоначальной форме. Гуссерль видел в Дильтее родственный дух и ценил его борьбу против позитивизма и психологизма, его попытку основать психологию как «науку о духе»; но он же и протестовал против историцизма Дильтея и его «философии мировоззрения», поскольку она ведёт в конечном счёте к скептицизму. В «Феноменологической психологии» Гуссерль подробно занимается важностью Дильтея для психологии, пытается тщательно очертить их соответствующие точки зрения и одновременно прояснить ряд проблем, возникших между двумя авторами в более ранней переписке.

На пути к феноменологической психологии.

Феноменология как описательная психология.

Если мы хотим понять философское развитие Гуссерля и рождение его феноменологии, нам следует последовать совету Вальтера Бимеля и обратиться к 1887 году, когда Гуссерль работал над своей «Философией арифметики». В этом исследовании его намерением было не представить полную философию математики, а скорее подготовить для неё почву. Непосредственная цель Гуссерля состояла в том, чтобы предоставить нам логические и психологические анализы, касающиеся понятия числа. Он видел философское изучение понятия числа прежде всего, как исследование психологического происхождения чисел; но это должно пониматься так, как Гуссерль действительно это имел в виду. Гуссерль чувствовал, что мы не можем проникнуть в существенные аспекты числа, направляя внимание на вещи, которые можно пересчитать. Вместо этого мы должны обратиться к тому, кто считает, к психологическим актам, которые порождают эти понятия. Однако акцент в этом исследовании не на последовательных психологических актах, которые **составляют** («образуют, составляют») основание нашего счёта, а скорее на самих числах и модусах, в которых они возникают в сознании, когда мы присутствуем при объектах, которые можно пересчитать. Считая объекты, наше сознание налагает, так сказать, число на эти объекты. Это число находит своё происхождение в нашем сознании и формируется на основе данных первоначального восприятия.

В своей «Философии арифметики» Гуссерль пытался объединить все открытия и важные прозрения, собранные за время его академической подготовки. Поэтому неудивительно, что он пытается основать свои философские исследования понятия числа на господствующих логических и психологических взглядах его времени. В этой работе мы находим ясные следы его прежних учителей — Вейерштрасса, Кронекера, Вундта, Штумпфа и Брентано; мы находим также косвенные следы Больцано, Локка, Юма, Милля и Спенсера. Вскоре Гуссерлю стало ясно, что задача соединения логики и психологии в области математики оказывается чрезвычайно трудной. Трудность соединения столь многих разнородных элементов объясняет по крайней мере отчасти изменение точки зрения, которое можно обозначить как произошедшее в философском развитии Гуссерля около 1894 года.

Хотя в этой работе Гуссерль ещё далёк от своей поздней феноменологической философии, мы тем не менее уже находим в ней **довольно** («довольно, вполне») ряд элементов, которым предстояло занять центральное место в его поздней феноменологии. В «Философии арифметики» уже есть первые указания на позднейшую концепцию Гуссерля относительно конституирования, редукции, эйдетической интуиции и интенционального анализа. Форма, в которой описаны эти фундаментальные понятия, однако, раскрывает ранние и ещё неудачные попытки Гуссерля избежать психологистических тенденций. Но уже в 1894 году Гуссерлю стало ясно, что позиция психологизма, против которой уже поднял голос Штумпф, должна считаться неприемлемой и что особенно математика и логика не могут быть адекватно основаны на психологии. Это не значит, однако, что психология должна оставаться полностью нерелевантной для этих наук; Гуссерль указывает лишь на невозможность основывать логику и математику на психологии.

Под влиянием критики Фреге, касающейся «Философии арифметики», а также возражений Наторпа против психологизма Липпса, Гуссерль начал около 1895 года включать в свои лекции энергичную, но объективную критику психологизма. В результате дальнейших исследований, особенно в области логики, в 1900 году Гуссерль опубликовал первую часть своих

«Логических исследований», которую он озаглавил «Пролегомены к чистой логике». В этом исследовании он выстроил сильную аргументацию против психологизма в его отношении к логике.

Сначала он показывает абсурдные следствия, к которым привела бы психологистическая позиция, если последовательно применить её к логике; во-вторых, он критически рассматривает предрассудки, образующие основание психологизма. Среди прочего Гуссерль задаёт себе вопрос: насколько психологический закон может помочь определить значимость аксиом и утверждений логики. Он убедительным образом показывает, что Милль и Спенсер ошибались, когда верили, что principium non-contradictionis можно интерпретировать как психологический закон, выведенный из нашего актуального и фактического мышления. Другой необходимый результат психологизма — то, что он неизбежно ведёт к скептическому релятивизму. Если мы делаем логические законы зависимыми от психологических характеристик различных логиков, мы делаем значимость всех наших принципов и законов относительной. Мы делаем человека во всей его неустойчивости мерой всех вещей. Гуссерль усматривает противоречие в таком релятивизме, поскольку он отрицает возможность истинного и достоверного знания, в то же время удостоверяя аподиктическую истину этого утверждения.

Психологизм основан на ряде предрассудков, наиболее заметный из которых — что логика в конечном счёте имеет дело с психологическими явлениями. Гуссерль прорывает этот предрассудок, указывая, что логика имеет дело не с интеллектуальными процессами, которые входят в логическое утверждение или суждение, а с тем, что из этих процессов следует. Логика имеет дело с «идеальными» сущностями, такими как термины, пропозиции и выводы. Опровержение психологистических предрассудков приводит Гуссерля к анализу и описанию существенных структур области логического. После удаления психологистических предрассудков из логики он переходит к построению основания для изучения чистой логики, которое останется свободным от всех психологических примесей.

После появления первой части «Логических исследований» многие философы почувствовали, что между 1894 и 1900 годами Гуссерль обратился от психологизма к форме реалистического объективизма или, возможно, даже к классическому платонизму. Они были немало удивлены, когда в 1901 году появилась вторая часть «Логических исследований», в которой два из шести очерков, казалось, ясно обнаруживали возврат к позиции психологизма. Но в действительности ничего подобного не произошло. Гуссерль удерживал во второй части фундаментальные прозрения, открытые в первой части, а именно что математические и логические сущности должны рассматриваться как «идеальные бытия». Хотя идеальное бытие приобретает форму и единство в сознании, оно тем не менее сохраняет независимое бытие, или бытие-в-себе. Психологические соображения никогда не могут полностью радикально объяснить эти идеальные бытия.

Во второй части он пытается показать, что много работы ещё предстоит сделать, даже если было убедительно показано, что логические и математические сущности имеют собственное бытие как идеальные бытия. Всё ещё нужно было бы объяснить типичную корреляцию, существующую между идеальными объектами чистой логики и субъективными опытами, в которых они конституируются. Первая часть «Логических исследований» показала, что мы должны принять мир математических сущностей, который остаётся независимым от психологических деятельностей, через которые они становятся частью нашего знания. Вторая часть имеет своей задачей объяснение того, как мы можем стать сознательными об этих идеальных сущностях. Это, без сомнения, задача психологии человеческого знания. Психология времени Гуссерля не была способна выполнить такую задачу. Гуссерль поэтому начал свой собственный поиск описательной науки о психологических деятельностях, которые конституируют сущности чистой логики. Именно к этой описательной психологии применяется термин «феноменология» во введении ко второй части «Логических исследований».

Идея чистой логики часто интерпретируется как попытка полностью отделить логику от какой-либо психологии. Невозможность этой позиции — именно главный пункт, который доводит до сознания вторая часть «Логических исследований». В «Феноменологической психологии» Гуссерль говорит, что наиболее фундаментальная проблема «Логических исследований» состояла в вопросе о том, как скрытые психические опыты, находящиеся во взаимных отношениях с идеальными сущностями формальной логики, проявляются; и в частности, как эти опыты могут возникать как соответствующие и полностью определённые «достижения» так, что познающий субъект способен сознательно схватить эти идеальные сущности в знании, которое, по крайней мере в принципе, подлинно очевидно. Ибо даже идеальные сущности формальной логики известны нам только в опыте и через опыт, хотя, очевидно, верно, что опыт, о котором мы говорим в этом случае, особого типа. Никакая философия не может поэтому позволить себе отрицать или неверно понимать эти опыты, которые образуют почву идеальных логических сущностей. Это, кажется, подразумевает, что философия, которая занимается основанием логики, нуждается в некотором типе психологии знания. Психология около рубежа века просто не была способна прояснить основания логики. Гуссерлю нужно было прежде всего описательное изучение тех процессов, которые делают возможным для нас говорить о таких вещах, как чистые логические сущности, — процессов, которые таким образом конституируют эти сущности и позволяют нам представлять их себе. Мы вернёмся к некоторым из этих подразумеваемых проблем позже в этой главе.

Упоминалось, что во введении ко второй части «Логических исследований» Гуссерль использовал термин «феноменология», **обозначая им (**«относя, указывая на») изучение тех фундаментальных процессов. Следуя Брентано в этом отношении, он также обозначал это изучение термином «описательная психология». Гуссерль говорит в этом контексте об эпистемологических исследованиях, которые тесно связаны с чистой феноменологией всех наших познавательных опытов. Вся эта сфера должна быть изучена, чтобы прийти к эпистемологическому объяснению и основанию чистой логики. Где-то ещё он уточнил этот пункт, сказав, что не намерен делать всю психологию основанием для логики. Только определённые главы психологии могут быть релевантны для подготовительной фазы теоретических исследований, касающихся логики. Психологии нужно лишь исследовать генетические отношения между опытами тех эмпирических объектов, которые образуют основание для фундаментальных абстракций, позволяющих логику схватить самую сущность идеальных сущностей очевидным образом.

Эпистемологически говоря, очень важно различать чисто описательные исследования, касающиеся познавательных опытов, которые не затрагивают теоретико-психологические импликации, и подлинно психологические исследования, которые ищут чисто эмпирические объяснения. Чтобы избежать всякой путаницы в этом аспекте, Гуссерль находил предпочтительным говорить о феноменологии, а не об описательной психологии. Однако уже в 1908 году он отметил ряд ошибок в своей первой характеристике феноменологии. Ибо, как любая другая позитивная описательная наука, описательная психология интересуется только фактическими эмпирическими данными. То, что Гуссерль действительно имел в виду, было описание идеальных типов логического опыта, которые отвечали идеальным логическим законам.

Он интересовался особенно описательными анализами разных форм мысли, разных оттенков и форм нашего интуитивного сознания, модусов непосредственного или символического представления — всё это было крайне важно для радикального раскрытия законов чистой логики. Изучение чистой сущности этих опытов должно от начала до конца оставаться нейтральным перед вопросом о том, что происходит в конкретных и реальных случаях. Всё это должно оставаться областью эмпирической психологии, которая включает описательную психологию.

Новая феноменология имеет своей задачей изучение существенных отношений, поскольку они могут быть поняты даже отдельно от эмпирически или экспериментально мыс-

лимых актуальных случаев. Как только это осознано, философия будет в состоянии эпистемологически адекватно отчитаться за наше знание логических сущностей. Также философия сможет тогда примириться со своими претензиями касательно оснований логики, подлинно доказывая адекватность своего взгляда на фундаментальные типы опыта.

Во втором издании «Логических исследований», появившемся после публикации «Идей» в 1913 году, Гуссерль охарактеризовал свою «чистую описательную психологию» следующим образом. Чисто описательная феноменология нашего познания и мышления или, если на, то пошло, всех опытов, которые рассматривались в «Идеях», занимается исключительно нашими опытами постольку, поскольку они в отношении своей сущностной универсальности могут быть схвачены и проанализированы в интуиции, а не нашими эмпирически апперципированными опытами, взятыми как фактические факты, то есть как опыты конкретных человеческих существ, происходящие в феноменальном мире фактов и принадлежащие ему. Чистая феноменология должна вывести на свет самые сущности и существенные отношения между нашими опытами подлинно описательным образом. Вот почему все её утверждения суть априорные утверждения в строгом смысле термина.

В формулировке этого взгляда на отношение между чистой логикой и феноменологией Гуссерль включает прозрение, которое повторяется на протяжении его сочинений и может быть найдено ещё в его «Философии арифметики». Это мысль, что должно существовать соответствие между структурами наших субъективных актов и их объективными коррелятами. Этот параллелизм образует основание для дальнейших исследований коррелятивной природы этих двух аспектов во всех феноменах. Желание изучать один аспект без учёта другого ведёт к искусственным абстракциям, которые могут иметь ценность только тогда, когда помещены обратно в истинный контекст конкретного феномена, из которого они были изолированы. Позже Гуссерль говорил об этом в терминах параллелизма между ноэтическим и ноэматическим содержанием каждого интенционального феномена.

Это последнее замечание выводит нас за пределы непосредственной заботы, которая состоит в развитии Гуссерля между 1887 и 1903 годами. Поэтому нужно вернуться к пункту, который окажется крайне важным для понимания отношения между его поздней феноменологической философией и феноменологической психологией. На что именно ссылался Гуссерль, когда в «Логических исследованиях» говорил о феноменологии как описательной психологии, и каково отношение между этой дисциплиной и эмпирической психологией?

Как упоминалось, Гуссерль пытался во второй части «Логических исследований» прийти к эпистемологическому объяснению и основанию чистой логики. В первой части этой работы он ясно объяснил, что традиционные эмпирические и экспериментальные психологии абсолютно неадекватны как инструменты для создания такого основания чистой логики. Первоначально Гуссерль думал, что описательная психология, как её указывал Брентано, может быть таким инструментом, но сразу после публикации второй части «Логических исследований» **он убедился, что и описательная психология в её тогдашнем виде не способна выполнить эту задачу: она остаётся позитивной эмпирической наукой о фактах и потому не может дать априорного обоснования идеальных логических сущностей. Отсюда и возникает необходимость в особой дисциплине — чистой феноменологии, которая изучает сущностные структуры познавательных переживаний независимо от их фактического осуществления в конкретных человеческих субъектах. Именно на этом пути Гуссерль и приходит к разлучению феноменологии и описательной психологии, которому посвящены дальнейшие разделы его работы.**

<ВВЕДЕНИЕ>.

§ 1. Развитие психологии Нового времени; решающая критика Дильтея и его предложения по реформе (объясняющая и описательная психология)

Психология принадлежит к числу древнейших из всех наук. Как и логика, этика и учение о государстве, метафизика, она была основана уже Платоном, систематически разработана и изложена Аристотелем. В усердной заботе о ней никогда не было недостатка и в дальнейшем, и в особенности с начала научного Нового времени. Уже с первыми попытками нового обоснования естествознания сочетаются таковые же попытки в психологии. Когда с началом XVII века из жизненного труда таких мужей, как Кеплер, Галилей и Декарт, вышло методически новое и расцветшее с небывалыми успехами точное естествознание, это оказало обратное воздействие как на психологию, так и на конкретные науки о духе. Тотчас же возникло страстное стремление осуществить подобную же методическую реформу и в психологии, то есть придать и ей новую форму — форму науки, точно объясняющей из элементарных законов.

Однако ни психология картезианского дуализма, ни психология материализма Гоббса или метафизического монизма Спинозы — но также и не великий импульс Локка к эмпирической психологии на основе внутреннего опыта — не привели к желанному успеху, не привели к психологии в образе и силе непрерывно восходящего развития, к единству прочно обоснованных, постоянно расширяющихся теорий и методов.

Если мы вспомним теоретические приобретения XVII и XVIII веков в математических и физических науках, нас охватывает восхищение. На каждой ступени развития они были убедительны благодаря очевидности постоянно совершенствующегося метода и величию полезных применений. О психологии ничего подобного сообщить нельзя — по крайней мере, если рассматривать время с XVII по XIX век, хотя её исследователи по силе духа, несомненно, не уступали великим естествоиспытателям.

Глубоко лежащие и до нашего времени глубоко скрытые трудности препятствовали здесь равному процветанию. Искушению натурализма, внешнему подражанию естественнонаучному образцу психология не могла противостоять с самого начала. В то время как новое естествознание, будучи однажды поставлено на правильный методический путь, никогда не могло остановиться и росло в почти чудесно возрастающей прогрессии, — мы обнаруживаем, что психология при всей своей великой воле, при множестве многообещающих начинаний так и не смогла прийти к окончательному началу, за которым могло бы последовать окончательное продолжение.

В XIX веке психология пережила новый великий, даже грандиозный подъём. Импульс исходил от ведущих немецких физиологов и физиков, таких как Иог. фон Мюллер, Э. Г. Вебер, Фолькман, Гельмгольц, Геринг, Г. Т. Фехнер, к тому же поддержанный организационной силой Вундта. Возникла психология, тесно связанная с естествознанием и в особенности с физиологией, верно приспособленная к нему в своей методической манере. Натуралистическая психология, уже намеченная во времена Декарта и Гоббса, реализовалась в существенно новой форме благодаря тому, что с высокоразвитым экспериментальным искусством физиологии приступили сначала к психофизическим проблемам психологии чувств — или, вернее, сенсорной психофизики. Эта психофизическая, физиологическая, экспериментальная психология действительно добилась международного признания, международно единообразных институтов и рабочих методов, согласия убеждений, которое временами едва ли

уступало таковому в менее точных биолого-естественнонаучных дисциплинах. Несомненно, эта психология выявила множество весьма примечательных фактов, прежде скрытых, — и действительно психологических фактов, хотя физиологи многие крупные группы их причисляют к своей собственной науке. Пусть согласие в теоретической интерпретации этих фактов весьма уступает таковому в точных естественнонаучных дисциплинах, в известном отношении оно всё же снова является совершенным, а именно в том, что касается методического стиля искомых теорий. Во всяком случае, в международных исследовательских кругах новой психологии господствует твёрдое убеждение — до недавнего времени непоколебимое убеждение — что наконец-то приведена в движение единственно истинная и подлинная психология как строгая наука, на путях которой должны лежать все психологические проблемы, все проблемы, относящиеся к индивидуальной и культурной духовности. Нужно лишь, как в любой опытной науке, нацеленной на элементарное построение и объяснение из элементарных законов, терпеливой сдержанности и совершенно осторожного восхождения; нельзя лишь преждевременно хвататься за проблемы, ещё не созревшие для научной разработки, для которых ещё не подготовлена фактическая основа и не созданы необходимые опытные понятия. Немалый прирост внутренней уверенности новая психология получила благодаря удачному созданию психотехники. Теперь эта психология, казалось, действительно встала вровень с точной физикой. Она была теперь даже в состоянии делать своё психологическое знание технически полезным — совсем как физическое и химическое.

И всё же могло случиться, что против этой в известном смысле несомненно успешной психологии направился весьма радикальный скепсис, какой никогда не мог направиться против точного естествознания. Этот скепсис с каждым годом завоёвывал почву и принимал различные формы. Нас здесь должна интересовать радикальнейшая скептическая реакция, восходящая к Дильтею, с одной стороны, и к новой феноменологии — с другой. Эта скептическая критика направлена ни много ни мало против всей методики этой психологии, поскольку она вообще притязает на то, чтобы действительно духовно — то есть психологически — объяснять факты душевной жизни. Более того, в своей позднейшей, более зрелой форме этот скепсис направляется уже против методической манеры устанавливать психические факты как психологические, что означает: делать опытные факты не только как таковые видимыми, но эксплицитно разлагать их во внутреннем опыте, чтобы затем подводить их под понятия, выражающие структурную сущностную природу этих фактов как психических. И здесь же возникает радикальнейшее обвинение. Этой психологии вменяется в вину, что она прямо-таки слепа к своеобразной сущностной природе душевной жизни, слепа ко всем сущностным формам специфически духовного как интенционально действующей и конституирующей духовные образования, а также духовную общность субъективности. Поэтому она совершенно неспособна достичь того, что повсюду должна выполнять так называемая точная и объясняющая наука; ибо всякое объяснение есть познание из сущностных понятий и по путеводной нити обоснованных в них сущностных необходимостей.

В 1894 году, в разгар времени, исполненного самых преувеличенных надежд на новую психологию, времени, которое одновременно ожидало от неё точного обоснования наук о духе и реформы логики, теории познания и всех специфически философских наук, появились «Идеи о описательной и расчленяющей психологии» В. Дильтея (в «Записках Берлинской академии») — как первая атака на эту натуралистическую психологию; гениальная, хотя и не вполне зрелая работа, которая, несомненно, останется незабываемой в истории психологии. Дильтей, своими занятиями всецело укоренённый в науках о духе и, несомненно, один из величайших учёных-гуманитариев XIX века, был гораздо более человеком гениальных целостных интуиций, нежели анализов и абстрактных теоретизирований. Способность к элементарному анализу опыта, а также к логической точности и мышлению в точных понятиях, как этому учатся и упражняются в математическом естествознании, не была его особой силой. Зато

несравненной была его способность повсюду обозревать конкретную духовную жизнь — индивидуальную и общественно-историческую — в её живых конкретностях, интуитивно схватывать её типические образы, формы её изменений, её мотивационные связи и осуществлять на них великие обозревающие истолкования, которые делают для нас понятным своеобразное бытие и становление исторической духовности в её конкретной необходимости.

Ему первому стало ощутительно, сколь мало философия Нового времени удовлетворяла науки о духе и что все реформаторские усилия новейшей логики и критики разума, опирались ли они на Канта или на английский эмпиризм, были слишком односторонне определены естествознанием. С ранних лет он сам трудился над «критикой» разума, действующего в науках о духе, над гносеологическим прояснением сущности и возможности тех грандиозных достижений, которые представали в виде новых наук о духе. И тут он вскоре оказался перед вопросом: в какой мере новая физиологическая и экспериментальная психология может когда-либо удовлетворить эти науки о духе, в какой мере оправдано её притязание быть теоретической основной наукой для объяснения конкретной духовности. Он приходит к решительно отрицательному результату.

В обширных изложениях он стремится показать, что в противоположность этой «объясняющей» или «конструктивной» психологии, как он выражается, необходима «описательная и расчленяющая» психология, идею которой он пытается подробно разработать в непрерывной критике, ставшей господствующей экспериментальной психологии. Эта экспериментальная психология, говорит он, следует идеалу точного естествознания, в особенности идеалу новоевропейской атомистической физики. Как та подчиняет физические явления причинной связи посредством ограниченного числа однозначно определённых элементов, так и она хочет подчинить явления душевной жизни причинной связи. При этом она действует, как и физика, гипотетически и конструктивно, посредством выводов, трансцендирующих опытное созерцание. То есть на основе опыта она создаёт гипотетические субструкции неиспытанных причинных связей и относящиеся к ним гипотезы законов. Но весь этот процедурный способ совершенно неадекватен сущности психического. Он возник из неправомерного расширения естественнонаучных понятий на область душевной жизни и истории. В естествознании этот способ имеет смысл и необходимость; ибо оно покоится на внешнем опыте, который даёт нам природу как лишь пространственное вне-положение друг друга, причём при этом не дано непосредственно в созерцании то, что сообщает этому голому вне-положению закономерное единство — объективные связи сквозной причинности. Психология же и, далее, все науки о духе относятся к единой, полностью данной через внутренний опыт духовной связи. Внутренний опыт не даёт голого вне-положения; он не знает разделения на куски, на самостоятельные элементы. Он знает лишь внутренне переплетённые состояния, переплетённые в единстве универсальной связи, которая сама как связь необходимо дана вместе с внутренним созерцанием. Смотрим ли мы на неё и на отдельные выделяющиеся в ней моменты, смотрим ли мы на отдельные восприятия, воспоминания, чувства, воления или не смотрим, направляем ли мы наш воспринимающий особый взгляд или не направляем на их переплетения, их перетекание друг в друга и происхождение друг из друга — всё это и как единая связь есть переживание. Живая жизнь непрестанно струится вперёд, и она не только есть, она есть переживаемое, и в любой момент на неё может направиться внимание, размышление, оценивание и т. д. Но это само лишь новые пульсы этой жизни, не внешние ей, а упорядоченные в неё саму как момент, как переживание в жизни, направленное на отдельно выделяющуюся жизнь в непрерывном единстве жизни и переживания.

В том, что душевная жизнь дана не только внешне и как вне-положение, но что она дана в своей связи, дана через самопознание, через внутренний опыт, — в этом состоит основное различие психологического познания от познания природы. И в этом же обосновано фундаментальное своеобразие наук о духе в противоположность естественным наукам. В то время

как последние могут лишь гипотетически-субструирующе и конструктивно «объяснять», сущность наук о духе состоит в том, чтобы понимать, соответственно — делать понятным.

Точнее говоря, их своеобразная задача — через установление единого созерцания, через возвращение к внутренне испытываемым духовным связям (к собственным и чужим, к единично-субъективным и общностно-субъективным) делать понятным единство духовной жизни, духовного действия, достижения, творчества. В краткой формуле: естественнонаучное объяснение противостоит гуманитарному пониманию. Но это понимание ещё не осуществлено простым установлением голого единого созерцания, в котором сопереживаются конкретные связи. Нечто подобное осуществляет ведь любое поэтическое изображение. Но многословно восхваляемая психология великих поэтов и писателей в действительности не есть психология, не есть наука. Необходим, напротив, научный, на чисто интуитивной основе совершающийся анализ, образование понятий и систематическое описание. Задача касается, как ещё будет подробно изложено, не только дескриптивного указания типов отдельных душевных данных, но и типов связей. Единичное в душевном ведь лишь абстракция. Чувство, настроение, всплывающая мысль, пробуждающаяся надежда и т. п. — всё это никогда не есть изолированное переживание; оно есть то, что оно есть, в душевной среде, в своих переплетениях, своих мотивациях, индикациях и т. д., и эти последние суть неотделимо сопереживаемые моменты связи, душевной функции. Так что великая задача состоит в том, чтобы систематически расчленять многообразные переплетения, объединяющиеся в соответствующее единство структурной связи, и описывать их в их типике. Структура обозначает сложное переплетение, принадлежащее каждой конкретной фазе струящейся душевной жизни. Также и последовательность фаз, сообщающая жизненному потоку последовательное единство, имеет свою типику. Душевная связь есть связь действования, связь развития, и она проникнута аналитически выявляемой имманентной телеологией. Через всю жизнь проходит направленность на ценности, единое стремление к счастью, к удовлетворению, инстинктивная или сознательно-целевая направленность. Так, то инстинктивно, то сознательно-целевым образом из духовных образований порождаются новые образования; субъективные душевные деятельности и достижения единичных субъектов соединяются в общие деятельности и достижения; темой становится, следовательно, и творческая духовность всех ступеней, вплоть до высоких образований искусства, науки, религии; они должны быть понимающе прояснены, приведены к дескриптивному пониманию посредством элементарного и систематически восходящего анализа.

Великое значение дильтеевских изложений состояло прежде всего в том, что он позитивно сказал о единстве душевной жизни как единстве переживания, и в вытекающем отсюда требовании чисто интуитивно творящей дескриптивной психологии: психологии, которая, несмотря на «голое» описание, должна всё же осуществить особый род высшего объяснительного достижения, а именно тот, который Дильтей выразил словом «понимание». Ибо разве нельзя в очень хорошем смысле сказать, как говорят историки: понять историческую связь — это и есть её единственно осмысленное объяснение.

Дильтей пришёл к познанию того, что научное описание на основе внешнего опыта и научное описание на основе внутреннего опыта, опыта чисто духовного, обозначают принципиально различные достижения. Он видел, что в области духовности оно уже несёт в себе совершенное объяснительное достижение — в силу сопереживаемости как всех духовных переплетений, так и всех переплетений мотивации. Чистый и достаточно далеко продвинутый анализ и описание объясняют и объясняют даже вполне удовлетворительно то, о чём спрашивает конкретная историческая наука о духе, ибо здесь объяснение не имеет иного смысла, кроме как сделать зримыми внутренние необходимости духовного становления, духовного происхождения из духовных оснований. Духовность несёт в себе и чисто в себе род причинности — причинность мотивации. И она сама принадлежит к составу переживания, следовательно, непосредственно доступна простой интуиции и описанию. Понять становление худо-

жественного произведения в науках о духе — не значит заниматься психофизикой, то есть спрашивать о причинностях, протекающих между душевной жизнью художника и физической природой, о психофизических причинностях, — но значит вжиться в жизнь и стремление художника, привести их к соответствующему и полному живому созерцанию и из его мотивов сделать понятной систему целеполаганий и реализующих действий. Если это осуществлено полностью, то не остаётся больше ни одного осмысленного искусствоведческого вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.